

**ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН**

**ВНУТРЕННЯЯ
ЛИНИЯ**

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Внутренняя линия

«Владимир Свержин»

2010

Свержин В.

Внутренняя линия / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2010 — (Институт экспериментальной истории)

Не дай бог вам жить в эпоху перемен!» – со знанием дела говорили китайцы. Когда же наступают годы Великой Смуты и жернова истории с хрустом перемалывают вековые империи и судьбы людей, когда все, чем жил, проверяется на излом, что может быть важнее, чем остаться личностью, найти свой путь в новом мире. Все это сполна приходится узнать сотруднику Института Экспериментальной Истории Виконту (Джокер-3), внедренному в сопредельный мир, чтобы остановить разработки психотронного оружия. Через реки крови лежит путь русского генерала Владимира Згурского, стремящегося отыскать свою семью, исполнить воинский долг, понять и принять то, что не укладывается в его сознании. Принять, чтобы стать зернышком, остановившим жернова.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владимир Свержин

Внутренняя линия

Пролог

«В корнях древ родословных зачастую находят тех, кого не смогли или не успели вздернуть на ветвях древ придорожных».

Майкрофт Холмс

Май 1613

Буланый аргамак попытался взвиться на дыбы, но, удерживаемый крепкой рукой, затоптался на месте, нервно прядая ушами и раздувая ноздри.

– Никак, молния? – князь Пожарский удивленно обернулся к воеводе Петру Елчанинову.

– Да откуда ж молнии взяться? Небо синехонько! Может, у зелейщиков¹ негоразд какой случился?

– Да нет же! Молния, я тебе говорю, – вглядываясь из-под ладони в сторону ближнего перелеска, возразил князь. – Да таким змеем извернулась – страх Господень! Ишь, дым пошел! В дерево ударила.

Он резко вонзил шпоры в конские бока и пустил быстроногого скакуна в галоп.

С огромных валов Земляного города, увенчанных гребнем дубового частокола, послышались громкие приветственные крики. Городовые стрельцы, узнав любимого полководца, салютовали ему, точно царю.

Всего несколько дней назад честному люду было объявлено, что Земский собор назвал государем земли русской боярина Михаила Романова – патриаршего сына, но что для ратного люда дьячьи да боярские приговоры?

То ли дело – князь Дмитрий Михалыч. За ним правда, за ним – сила!

Многие откровенно недоумевали, отчего это бояре, казаки и все прочие выборщики в один голос выкрикнули на царство безвестного юнца, ничем особым, кроме отца-патриарха да службы польскому королевичу Владиславу, не отличившегося.

Неподалеку от Сретенских ворот у расколотого надвое, охваченного пламенем толстеного дуба суетились люди с песком, водой и топорами. А чуть в стороне слышалось:

– А ну не замай! Сунешься – враз саблей попотчую!

– Кому там нейметса кровь проливать? – нахмурился князь, грудью коня прокладывая себе путь через толпу.

Брови старого воина гневно сошлись на переносице.

В кругу бурно гомонящих стрельцов, повода обнаженным клинком, стоял разбойного вида казак. Около него в продранной окровавленной рубахе – пленник. Руки его были туго стянуты за спиной.

– Эй, посторонись! Что тут деется? – въезжая в круг, прикрикнул князь.

– Ляха изловили! – пустился в объяснения кто-то из толпы. – Царь велел лазутчиков на дубу вешать, а энтот, вон, бирюком взелся!

– Смерть ему! На пику! – послышался недовольный ропот. – Живота лишить! А ляха вздёрнуть!

¹ Зелейщики – изготовители огненного зелья (пороха).

- Кто таков?! – Дмитрий Михайлович смерил тяжелым взглядом ерепенистого казака.
- Люди кличут Варравою, – процедил тот. – А во святом крещении – Егорий.
- И отчего ж, Варрава-душегуб, ты цареву волю удумал нарушить?
- Рассуди по разумению своему, князь-надежа! В твои руки предаюсь. Ведь как дело было, – опуская высверкивающую золотой узорчатую саблю, начал бунтарь, – шляхтича этого к дереву поволокли, уже петлю через сук перекинули, а тут вдруг гром среди ясного неба, да этот дуб молнией и расшибло! То, как есть – знак небесный!
- Знак ... Тебе-то что за дело? – нахмурился князь – Иль указ уже не указ?
- Воля божья превыше воли земных владык.
- Экий толкователь выискался!
- Порешить! – лоя в княжьей усмешке сигнал для себя, загудела толпа, лишенная обещанного зрелища. – Покуда ляха вязали, он, паскуда, наших шестерых саблею достал! Что ж его теперь – миловать?!
- Правду говорят? – Пожарский обратил взор к избитому в кровь шляхтичу.
- Правду, – спокойно и даже чуть надменно подтвердил тот.
- По-нашему разумеешь. Стало быть, и прежде в этих краях бывал?
- Бывал.
- Да ты гордец! Как звать-величать?
- Францишек Згурский. Поручник хоругви панцирной Гонсевского.
- Вон оно как. Не орёл-птица, ну да и не зяблик. Что ж тут-то делаешь, поручник? Гетман твой без малого год, как отсель сбежал.
- Прибыл к царю Михаилу с посланием от короля моего, Владислава.
- Так выходит, ты посол! – хмыкнул в бороду Пожарский. – Что-то почет тебе, друг ситный, не посольский.
- В том не моя вина.
- А ну расступись, расступись! – послышался рядом грубый окрик стремennых. – Прочь! Дорогу государю!
- Царь! Царь! – зашептали в толпе.
- Гляди-ка, – пробормотал князь Дмитрий, – а соколог-то наш и впрямь птица немалая, коли сам помазанник божий со боярами прибыл глянуть, как сей молодец меж небом и землей ногами дрыгать станет. Не без подвоха тут дело...
- Заткнуть пасть негодяю! Не внимать речам крамольным! – разнеслось над дубравой. – А ну, разойдись! Разойдись без промедления!
- Кто посмел? Кто слову моему послушник?! – с запальчивостью юнца выкрикнул государь Всея Руси.
- Толпа схлынула, не желая подставлять спины под нагайки царской свиты. Лишь казак с пленником, да князь Пожарский с воеводою Елчаниновым остались на месте.
- Во здравии ли царь-батюшка? – склонил голову полководец.
- Шестнадцатилетний самодержец, без году неделя на престоле, гневно вспыхнул, учуяв скрытую издёвку.
- Во здравии, – буркнул он. – Я велел лиходея сего повесить!
- Может, и велел, – согласился князь Дмитрий. – Да только ж и Господь свою волю изъявил.
- Он указал на расколотый дуб с обуглившейся сердцевиной. Венценосный юноша нахмурился и закусил губу.
- Яви милость, великий государь! – склонил голову Пожарский. – Пощади сраженного врага! Ноне ж праздник всего царства Московского – день святого великомученика Георгия-Победоносца. Он всем хоробрым воинам заступник.

– Ну, а коли сей лях вновь против меня умышлять вздумает? Речами прелестными люд с пути истинного совращать, раздор и смуту в землях русских сеять?!

– А ты мне его отдай. Тем паче, дуб, и вся земля вкруг него в вотчине Пожарских значатся. Что до смуты – сам догляд за гоноровым поручником учиню. У меня не посмушаешь: раз уж Разбойным Приказом верховожу – вот пусть рубака сей там и состоит. Ежели честно служить будет – то по чести и хвала. А злодеяние удумает – так дыба всегда рядом. Что скажешь, шляхтич? – князь перевел взор на Францишека Згурского, напряженно слушавшего речи сильных мира сего, – будешь служить верой и правдой?

– Король Владислав приказал отправиться к их величеству. Велел оставаться под его рукою, пока от своей высокой особы не отошлет. Царь пожелал меня жизни лишить. Если тебе, князь, он главу мою отдаст, то, значит, быть по тому. Службой и жизнью буду обязан.

Царь Михаил недовольно оглядел присутствующих, стихших в ожидании государева слова. Он едва терпел князя Пожарского. Не любил за то, что князя обожало войско; за то, что князь бился с ляхами в часы, когда сам нынешний государь был жалован королем Владиславом в стольники; за то, что, обойдённый царскими дарами в час победы, крохами со стола попотчеванный, старый воин лишь хмыкнул, да перекрестился. Ни словом не выразил досады и сожаления!

Боярский отпрыск, Михайло Романов – безвестный родич последней, церковным законом не признанной, седьмой жены Ивана Грозного – по родовитости и тягаться не мог с Рюриковичем, ведущим свой род от младшего брата святого Александра Невского. А уж испытывать, чье слово весомее, юному самодержцу было и подавно не резон. Реши сейчас Пожарский кликнуть подмогу – и стрельцы, и жильцы², и казаки вмиг схватятся за оружие. Тогда не помогут ни далекий гнев отца-патриарха, ни ближняя иноземная стража, ни увещевания думных дьяков. С какой бы радостью нынче государь отослал Дмитрия Михайловича куда подальше: на войну, а того лучше, в острог, да вот беда – без него как без рук. И ляхи, и татары, и шведы – все от царства русского послаще кус отгрызть мечтают.

– Хорошо, князь. Забирай, – после неловкой паузы вымолвил Михаил. – Быть по сему. В честь праздника, исполню прошение твое. Но помни, шляхтич, коли милость мою презришь, коли черным наветом уста испоганишь, ковы злые удумаешь – казнь без жалости. Мукой мученической умрешь!

Михаил Романов вперил в помилованного недобрый взгляд. Ему почудилось, будто в глазах пленника прочел он спокойную уверенность – жесткую и безучастную, словно и не государь земли русской, верхом на белом, не темней убранства ангельского, скакуне, стоял пред ним, а убогий ярмарочный шут.

Царь отвернулся, чтобы скрыть досаду.

– А я? Можно ль с хлопцами моими тоже в Разбойный Приказ? Ей-ей, не подведу! – быстро смекнув, на кого теперь изольется царский гнев, напомнил о себе Варрава.

– Отчего ж? По всему видать – удалец! Такие в деле всяко пригодны будут, – разгладив бороду, согласился Пожарский.

Не обронив и слова на прощанье, Михаил Романов развернул коня и хлестнул его плетью, спеша оставить недоброе место.

– Вот так вот, Елчанинов, – князь Пожарский обратился к молчаливому воеводе. – Я же говорил – молния! А ты – зелье, зелье... Божий знак ни с чем не спутаешь!

² Жильцы – избранная часть войска, жившая непосредственно при царском дворце.

Глава 1

«Верующий слепо не узрит воочию».
Из «Апокрифов»

Средина октября 1923

Величественное здание страхового общества «Россия» немало способствовало украшению Лубянки. Совсем рядом, на Кузнецком мосту, давно переставшем быть мостом, располагалось великое множество небольших книжных лавочек. Совсем недавно здесь можно было встретить и благородную девицу, пришедшую за модным французским романом, и солидного профессора, читающего европейские научные журналы, и, конечно же, полуголодного студента, стремящегося отыскать среди плевел декадентской культуры зёрна социалистических идей. На благодатной почве России зерна взошли, и магазины по большей части пустовали. Новые хозяева торопились заполнить полки снедью и мануфактурой, а бесприютные книгочеи понуро бродили вдоль знакомых витрин, изредка разыскивая на уличных развалах, а чаще – пытаясь недорого продать драгоценные, но мало кому теперь нужные тома.

Особняк страхового общества «Россия» по-прежнему сохранял надменный и величественный облик и царил над округой, казалось, неподвластный переменам. Но так лишь казалось. Кто-то из московских остряков запустил шутку, которую тихо повторяли те самые книгочеи, предварительно оглянувшись, не слышит ли кто чужой: «– Скажите, а что, в этом доме теперь находится Госстрах? – Нет, там находится Госужас».

«Объединенное государственное политическое управление» – гласила надпись у входа.

Молодой чекист в кожаной тужурке и поскрипывающей офицерской португее поднялся из-за стола. По лестнице спускался председатель ОГПУ. Худое костистое лицо старого революционера выглядело встревоженным. Он едва кивнул на приветствие дежурного, и тот поёжился, словно цепкий холодный взгляд Феликса Эдмундовича Дзержинского распорол кожанку, а под ней – и грудь, чтобы понять, достаточно ли горячо сердце чекиста.

Но не это волновало Дзержинского. Он открыл тяжелую дверь и поспешно вышел из подъезда. По октябрьскому небу, суля долгий противный дождь, медленно тянулись грязно-серые тучи: «Пронесет, или зарядит надолго?»

Он огляделся. У противоположного конца площади стоял автомобиль, на дверце которого, покрашенные черной краской, угадывались очертания двуглавого орла. Феликс Эдмундович быстро зашагал к мотору. Полы его длинной шинели развевались на ветру. Он старался поильнее запахнуться в неё, чтобы сохранить остатки тепла, вынесенного из натопленного кабинета.

– Здравствуйте, дорогой Феликс Эдмундович, – донёсся из автомобиля негромкий голос с заметным кавказским акцентом. – Вы хотели меня видеть?

– Да, Иосиф Виссарионович. Если не возражаете, давайте немного пройдемся.

Собеседник председателя ОГПУ чуть заметно улыбнулся и вышел из машины.

– Что случилось? – спросил Сталин без обиняков.

– Неприятное известие. Сегодня председатель Реввоенсовета товарищ Троцкий отправился на охоту, – Дзержинский сделал паузу, верно подыскивая слова. – Его автомобиль обстреляли.

– Лев Давидович жив? – в голосе секретаря Центрального Комитета Российской Социал-демократической рабочей партии большевиков председателю ОГПУ послышалась надежда. Скрытая надежда на отрицательный ответ.

– Жив. Бандиты тяжело ранили водителя – некоего Александра Поповича, но и сам товарищ Троцкий, и ехавший с ним товарищ Самойлов имели при себе ружья. Они начали отстреливаться. На выстрелы прибыл из Немчиновки эскадрон дислоцированного поблизости кавалерийского полка. Правда, бандитов по горячим следам поймать не удалось – судя по всему, они хорошо знали местность и заранее подготовили себе пути отхода.

– Это очень плохо, Феликс Эдмундович. У нас под самым носом действуют непримиримые, закоренелые враги, а мы об этом узнаем слишком поздно. С таким положением дел нельзя мириться. Вы понимаете, о чём я говорю?

Дзержинский молча кивнул. Конечно. Ему, поставленному большевистской партией у рукояти карающего меча революции, лучше чем кому иному было понятно, какой вред молодой республике способно нанести криминальное отребье и замаскировавшиеся контрреволюционеры. Но самыми опасными были вчерашние товарищи, которые, распробовав вкус абсолютной власти в дни гражданской войны, теперь готовы были обратить завоевания революции в подножье собственного трона.

– Сейчас, в преддверии шестой годовщины нашей великой Революции, когда здоровье Ильича подорвано жестокой раной, смерть председателя Реввоенсовета была бы плевком в лицо всей партии большевиков, всему государству рабочих и крестьян. Основателя Красной Армии и кузнеца ее ратной славы вот так вот запросто убивают какие-то подонки прямо за столичной околицей!

– Всё это так, Иосиф Виссарионович...

– Но, с другой стороны, – продолжал Сталин, поглаживая темные с рыжиной усы, – настаивают определенные детали. Посмотрите, кто находился рядом с товарищем Троцким в момент нападения? Какой-то попович...

– Но это фамилия.

– Фамилии тоже с неба не падают, Феликс Эдмундович. С кем отправился на охоту наш уважаемый наркомвоенмор³? Кто такой этот товарищ Самойлов? Он что – большевик? Может быть, он сидел с нами по царским тюрьмам? Гнил на каторге? Нет! Он бывший царский генерал, приятель Деникина и Корнилова. А если бы пули заговорщиков достигли цели? Нам что же, говорить мировому пролетариату, что председатель Революционного военного совета убит во время охоты вместе с царским генералом?

– Что же вы предлагаете, Иосиф Виссарионович?

– Феликс, дыма без огня не бывает. Конечно, следует отыскать и достойно покарать врагов революции, покусившихся на жизнь нашего уважаемого товарища Троцкого. Но прежде всего необходимо разобраться: что такое была эта перестрелка? Настоящее преступление или только инсценировка?

– Коба, ты полагаешь, что Троцкий, предвидя смерть... – председатель ОГПУ замялся, – Ленина, пытается таким образом подчеркнуть свою значимость?

Сталин опять едва заметно усмехнулся:

– Я не хочу подозревать в такой низости председателя Реввоенсовета. Но обратимся к фактам. Бандиты точно знали, когда и где проедет автомобиль наркомвоенмора. Грамотно разместили засаду. Открыли огонь, но попали только в шофера. С другой стороны, опытных бойцов так легко удалось отогнать выстрелами из пары двустволок. При этом, заметь, тоже не причинив вреда.

– Но прибыл эскадрон...

– Это тоже очень подозрительно. Не слишком ли быстро прибыл? Не ожидал ли он заранее приказа. Почему бойцы сразу не отсекали нападавшим путь к отступлению? Почему дали уйти?

³ Народный комиссар по военным и морским делам – должность Л. Д. Троцкого в годы гражданской войны.

Следует проверить, не причастен ли к делу бывший генерал Самойлов... – Сталин задумался, – а возможно, и другие бывшие офицеры, которые теперь скрывают это?

Не имеем ли мы дело с большим и разветвленным заговором?

Дзержинский молча кивнул. Он понял, к чему клонит собеседник.

– Еще какие-то новости? – спросил Сталин.

– Да. Речь идет об исследованиях профессора Дехтерева...

Начало мая 20XX

На темной глади монитора всплыло улыбающееся лицо виртуальной красавицы:

– Милорд, к вам Кристиан де Ла Доннель. Утверждает, что вы его вызывали.

– Пусть войдет, – откладывая в сторону посверкивающий золотым пером «паркер», ответил Джордж Баренс.

Дверь приоткрылась, и в нее быстрым шагом уверенного в себе человека вошел мужчина, внешность которого довольно плохо сочеталась со строгим твидовым костюмом. Куда больше гостю пошла бы обтягивающая мощный торс кольчуга, а двуручная секира довершила бы образ сурового викинга, потомком которых, собственно говоря, и был виконт Кристиан де Ла Доннель.

– Присаживайся, Крис, – Джордж Баренс указал на кресло.

– Насколько я понимаю, речь идет о командировке? – ответив на приветствие, поинтересовался Кристиан.

– Верно.

– Судя по тому, что меня отозвали из кадрового резерва, намечается что-то серьезное.

– Возможно.

Виконт бросил заинтересованный взгляд на старого знакомого. Лорд Джордж Баренс, общеизвестно, был одним из корифеев агентурной работы Института Экспериментальной Истории и признанным светилом отдела разработки.

– Возможно? – переспросил Крис.

– Именно так. О том, насколько все серьезно, вам как раз и предстоит узнать.

– Далеко отправляться?

– Нет, совсем рядом. Сопредел – рукой подать. Первая четверть двадцатого века.

– Действительно, неподалеку. Но... – де Ла Доннель пожал широкими плечами, – я же работал в отделе Средних веков.

– Мне это известно, – постукивая по столешнице оперением «паркерской» стрелы, подтвердил Баренс. – Но из агентуры Института вы лучше других вписываетесь в оперативную легенду. Необходим человек скандинавской наружности с располагающим, добродушным лицом и чуть наивным взглядом.

– Разве у меня наивный взгляд?

Лорд Джордж улыбнулся, пропуская вопрос мимо ушей:

– Говорят, последние два года вы занялись медициной?

– Не совсем. Знаете, травы, акупунктура...

– Да-да, это как раз то, что нужно.

– Для чего нужно?

– Для кого. Для сотрудника Красного Креста. Вы направитесь в Россию. Сейчас нас очень интересуют два момента. Момент первый. На сегодняшний день в Москве образовалась развилка, грозящая коренным образом изменить ход истории.

– Впрочем, как всегда, – ухмыльнулся виконт.

– Не перебивайте, Крис. В базовой реальности, как вам должно быть известно, председатель Реввоенсовета Троцкий в октябре двадцать третьего года поехал на охоту, где сильно про-

мок, промерз и тяжело заболел. У него поднялась криптогенная температура, сбить которую врачам не удавалось несколько месяцев, поэтому второго человека в государстве большевиков отправили на отдых к теплому морю. Далее, в результате интриги он не был своевременно извещен о смерти Ленина, не прибыл на его похороны, что позволило его непримиримому сопернику, Иосифу Сталину захватить власть в Советском Союзе. Так вот, в этой реальности Лев Троцкий жив, здоров и даже не думал болеть. Он произнес очень впечатляющую речь на похоронах вождя революции и воспринимается как его естественный наследник.

Брови над яркими синими глазами Кристиана удивленно приподнялись.

– Я еще не договорил, – видя реакцию оперативника, продолжил Баренс. – Конечно, такой поворот событий и сам по себе достоин пристального внимания Института. Паукам в банке сейчас предстоит вцепиться друг в друга. Но данный факт – всего лишь полбеда. Вот, полюбопытствуйте, – Лорд Баренс открыл папку скоросшивателя и протянул виконту несколько газетных листов. – Это выпуски «Ленинградской правды» и «Красной газеты». Читайте там, где отчеркнуто.

– «Как утверждает профессор Д., – начал Крис, – шарлатанские фокусы доморощенного мага Эусэвиуса с чтением и передачей мысли на расстояние – не более чем незамысловатый обман публики. В то время, как настоящая пролетарская наука ведет опыты в этом направлении, и уже вплотную приблизилась к передаче на расстояние если не мыслей, то человеческих эмоций. Причем, здесь научное чудо не ограничено цирковой ареной, и дальность объекта не имеет значения для феномена транспроекции, который скоро покорится советским ученым».

– Это январь двадцать четвертого года. Дальше – май. Читайте, читайте.

– «Необычайный опыт был проведен во время первомайской демонстрации трудящихся в Ленинграде на проспекте имени Двадцать пятого октября. На один из движущихся помостов был установлен специальный передающий электрический прибор, вокруг которого размещались собранные для такого случая бывшие царские вельможи, попы и прочие буржуазные элементы. По сигналу, пущенному из московской лаборатории, прибор начал работать, источая X-волны, приведшие всех этих приспешников мировой буржуазии в столь радостное возбуждение, что они веселились и неподдельно радовались первомайскому празднику, дорогому для каждого пролетария, будто и сами были сынами трудового народа...» Галиматъя какая-то, – закончил виконт.

– Нет, вовсе не галиматъя. Кстати, должен отметить, ваш русский очень хорош.

– Мои предки долго жили в России.

– И один из них, насколько мне известно, даже служил врачом в годы Первой мировой.

– Он пропал без вести.

– Мне это известно, – лорд Джордж выложил на стол пожелтевшую фотографию. – Здесь он тоже пропал без вести. Вот, поглядите – врач 16-го Мингрельского гренадерского полка. Не правда ли, похож? Особенно, если вам отрастить такие же лихие усы.

– Похож, – согласился виконт, – но какое отношение имеет мое сходство к фокусам с электрическим прибором?

– Крис, то, что вы сейчас прочитали, очень серьезно, и не имеет никакого отношения к фокусам.

Вспомните Библию. Армия под командованием Иисуса Навина, приступив к осаде Иерихона, пустилась на весьма странный маневр. Она день за днем начала обходить стены по периметру, не делая более ничего. Воины шли, шли и шли, час за часом проникаясь уверенностью в том, что они исполняют Господню волю и что победа им уже дарована. Когда это сознание стало всеобъемлющим, Иисус Навин отдал приказ, и войско с ревом бросилось на приступ. У этих людей, вышедших из пустыни, не было ни таранов, ни штурмовых лестниц, ни осадных башен...

– Помнится, если следовать библейской легенде, стены рухнули.

– Крис, вы же работали в тех местах и прекрасно знаете, что Иерихон и до Иисуса Навина брали несколько раз, и стены его перед вторжением сынов Израиля были вовсе не так мощны, как прежде. Но для того времени они являлись все еще серьезными фортификационными укреплениями. Вам также известно, что они были разрушены, но вовсе не рухнули. Археологи это утверждают недвусмысленно. Солдаты Иисуса Навина попросту не заметили крепостных стен. И более того – уверенность в победе, непререкаемая и всеобъемлющая, по сути, транслировалась из марширующих колонн, парализуя сознание защитников Иерихона. Они проиграли еще до начала боя.

– То есть, вы хотите сказать, что в России в первой четверти двадцатого века создается психотронное оружие?

– Именно так. И, если судить по газетным статьям, опыты ведутся с размахом. Стоит ли говорить, что такой мощный отряд, как партия большевиков, может послужить куда более сильным генератором нужного эмоционального настроения, нежели сравнительно небольшая армия Иисуса Навина? Мы не можем оставить это без внимания. Институту необходим квалифицированный наблюдатель в Советской России. Надо очень быстро обнаружить лабораторию, выяснить, на какой стадии находится работа, и определить целесообразность отправки в сопредельных наших оперативников. По официальной легенде вы – сотрудник Красного Креста. С датским паспортом. Но это лишь первое дно.

Второе, упоминавшееся уже сегодня: доктор Сергей Владиславович Деладоннель, военный врач, штабс-капитан, участник мировой войны. Все необходимые инструкции получите дополнительно. Надеюсь, и без моих объяснений понятно, Крис, что если такое оружие и впрямь уже существует, или его построят в ближайшее время – все равно, попадет ли оно в руки Троцкого или Сталина – цивилизации грозит колоссальная угроза.

– Я понимаю, – Кристиан де Ла Доннель поднялся с кресла. – Но зачем мне в легенде офицерское прошлое? Я бы мог быть просто датчанином.

– По всей вероятности, профессор Д., или уж как его там величают на самом деле, до революции не работал молотобойцем. Вряд ли он испытывает особо нежные чувства к большевистской власти. И все же никуда не уехал, хотя, наверняка, это сулило ему вполне обеспеченную жизнь. Можно предположить, что он настоящий русский патриот. А настоящему русскому патриоту будет куда проще общаться с человеком своего круга, пусть даже и с датским паспортом.

– Когда приступать к подготовке?

– Немедленно. И помни, Крис, ты – Джокер-3, а это ко многому обязывает.

Начало мая 1924

Автомобиль «Изотта-Фраскини» цвета «русский медведь» пронесся по мощеным улицам Сент-Этьена и затормозил у ворот заводууправления. Массивные железные створки начали расходиться в стороны.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – приветствовал председателя правления охранник с двумя солдатскими «георгиями» на груди.

Генерал Згурский кратко ответил на приветствие и въехал на территорию завода.

Полтора года назад он купил этот мотор, едва ли не за одно название цвета. Вдруг как-то вспомнился медвежонок Мишка, подобранный его стрелками на безымянном сибирском полустанке, когда полки российского Особого корпуса отправлялись через океан спасать Францию. С того рокового тысяча девятьсот пятнадцатого года медвежонок вырос и долгое время служил им своеобразным талисманом. Любимец солдат, он неотлучно был среди них все эти годы, каким-то неведомым чутьем научившись отличать россиян от французов, англичан и

всех прочих. Мишка даже как-то пострадал в одной из немецких газовых атак, но бойцы выходили громадного зверя, как заболевшего щенка.

Автомобиль остановился у крыльца, и кутившие на нем работники «Манюфактор д'Арме э Цикле», вытянулись по струнке:

– Господа офицеры!

– Вольно, – скомандовал Згурский, выходя из машины.

Не так давно прежние рабочие и служащие завода по старинной французской традиции решили устроить забастовку и прислали своих вожakov парламентарями. Войдя в кабинет, профсоюзный лидер открыл, было, рот, но наткнулся на холодный взгляд этого чертова русского и, завороченный, стоял перед ним, не говоря ни слова. Группа поддержки жалась за спиной «оратора» в том же состоянии молчаливого ступора. Под немигающим взглядом бывшего генерала пылким сынам Франции казалось, что языки примерзли к нёбу.

– У вас есть десять минут, чтобы приступить к работе, – тихо и внятно сказал генерал.

– Таких, как вы, у нас гильотинировали в тысяча семьсот восемьдесят девятом году! – захлебнулся от гнева рабочий вожак.

– Такие, как я, вступали в Париж в тысяча восемьсот четырнадцатом, – не меняясь в лице, отрезал Згурский. – Экскурс в историю закончен. У вас осталось восемь минут.

Не удовлетворенные переговорами борцы за права устроили митинг во дворе заводууправления, но только-только начали разминать голосовые связки хоровыми криками «Позор!» и «Долой!», когда, печатая шаг, в воротах появилась колонна в русских военных мундирах без погон. Драка была жестокой, и в результате армия французских безработных пополнилась несколькими десятками новобранцев.

Этот вопиющий случай вызвал бурный резонанс в обществе. Министр экономики лично звонил в Сент-Этьен, требуя пойти на уступки и уволить штрейкбрехеров. Ответом на его гневную отповедь было короткое: «Нет». Владимир Игнатьевич Згурский никогда не отменял приказов. Когда бы министр-социалист получше знал русского генерала, он бы даже не стал тратить времени, поднимая с рычага трубку.

Без малого десять лет назад, когда Особый корпус только двигался во Францию по бескрайним просторам России, чтобы пересечь на ждущие его корабли, полковник Згурский прибыл в Париж для подготовки приема и обустройства войск.

Здесь его ждало крайне неприятное известие: оружие, предоставляемое союзниками русским бригадам, лет двадцать назад было списано в самой Франции! Срочная депеша в Петроград вернулась с ответом: «Решить любыми средствами».

В том, что произошло дальше, полиция разбиралась несколько лет, но без особого успеха. В силу неведомо, каких махинаций «Манюфактор д'Арме» в Сент-Этьене вдруг перешла в русские руки, и новейшее оружие, выпускаемое там, прямо с конвейера отправилось в распоряжение бригад Особого корпуса. Вызванный для объяснения к президенту Клемансо флигель-адъютант русского императора Владимир Згурский пропустил мимо ушей яростные упреки в подрыве боеспособности французской армии и проговорил с обычной холодной безучастностью: «Ваше высокопревосходительство! Французский завод «Бри Сольен» производит и донныне продолжает отгружать сорок процентов немецкой стали. Я весьма сожалею, что не имел возможности купить и вышеупомянутое предприятие». На этом аудиенция закончилась.

Сейчас фрак «чертова русского» украшала розетка офицерского креста Почетного легиона – признание Францией заслуг генерала перед Республикой – и маленькая золотая буква «Д» под императорской короной – знак братства 16-го Мингрельского, Его Императорского Высочества, великого князя Дмитрия Константиновича, гренадерского полка.

– Полковник Варрава у себя?

– Так точно ваше превосходительство! Георгий Никитич проводит инструктаж с коммивояжерами, отправляющимися продавать велосипеды в Лифляндию.

– Пусть зайдет ко мне.

Згурский прошел в свой кабинет и, остановившись у окна, поднял жалюзи. Прежний председатель правления, как всякий истинный француз, был любителем прекрасного. Открывшийся вид должен был рождать в памяти воспоминания о Версальском парке.

– Разрешите войти? – раздалось за спиной.

Генерал Згурский оторвался от своих мыслей.

– Входите, Георгий Никитич. Присаживайтесь.

– Что нового в Париже?

Генерал поморщился, готовясь ответить на этот неминуемый, но неприятный вопрос.

– Генерал Кутепов настаивает на формировании новых боевых групп для засылки на территорию Совдепии. Великий князь Николай Николаевич говорит о непредрешенчестве, о том, что истомленный большевистским гнетом русский народ-богоносец должен сам без нашего вооруженного вмешательства сделать выбор. Генерал Эрдели призывает «желтых таксистов»⁴ сплотиться... Мда-с... Как наемни пошутил один старый знакомец: «Из желтых улан⁵ да в желтые таксисты».

Згурский выжидательно поглядел на собеседника, чье простецкое добродушное лицо могло ввести в заблуждение всякого, кто не был близко знаком с одним из асов русской контрразведки, Георгием Никитичем Варравой.

– Еще какие-то новости? – глядя на озабоченное лицо генерала, спросил его заместитель.

– Да. Очень странные. Из Литвы пришла телеграмма: подполковник Шведов успешно перешел границу, и доставлен в Вильно.

– Тот самый Шведов, который числился военным руководителем в деле Таганцева⁶? – уточнил Варрава.

– Тот самый. В двадцатом он сбежал из Петрограда, впоследствии примкнул к кутеповским боевикам. Его группа в октябре прошлого года обстреляла автомобиль Троцкого, но, к сожалению, без особого успеха. По утверждению Шведова, спасаясь от погони, они приняли решение пробиваться поодиночке, но к месту сбора кроме него так никто и не пришел.

– Либо этому подполковнику феноменально везет, либо он – большевистский провокатор.

– Выбор невелик... В любом случае, с ним надо встретиться. У Шведова на руках некая секретная информация, которую он должен срочно передать руководству РОВС⁷. Завтра он выезжает в Прагу – там ему дана явка.

– Вы поедете?

– Непременно, – генерал Згурский достал серебряные часы с тремя грациями на крышке, щелкнул, посмотрел время. – Через два часа сорок минут у меня поезд.

– Понятно, – кивнул Варрава. – Весь материал на Шведова и связь с руководителем наших «коммивояжеров» в Праге.

– Именно так, – подтвердил генерал Згурский.

– Будут еще какие-нибудь распоряжения?

– Как всегда – заботиться о процветании фирмы.

– О вашей жене какие-нибудь новости есть? – тихо поинтересовался контрразведчик.

⁴ Водителями желтых такси в то время чаще всего были русские офицеры.

⁵ Желтые уланы – уланы лейб-гвардии уланского Его Императорского Величества полка. В отличие от красных – Ее Императорского Величества.

⁶ Дело Таганцева – сфабрикованное чекистами в 1921 году в Петрограде дело военной организации профессора Таганцева.

⁷ Русский Обще-Воинский Союз – эмигрантская военная организация, объединявшая чины белых армий. Насчитывала около 30 тыс. человек. Основана генералом Врангелем.

– Нет, о Татьяне Михайловне никаких вестей нет. Но я знаю, что она жива, – лицо Згурского из холодного стало непроницаемо мрачным. – Сделайте любезность, Георгий Никитич: я хочу ознакомиться с делом подполковника Шведова как можно скорее.

– Сию минуту, – Варрава направился к двери. – Чуть не забыл, час назад звонил некий комиссар Рошаль из Сюрте⁸. Этот полицейский очень желает поговорить с вами. Он утверждает, что вчера из своего дома пропал бывший казначей армии Колчака, банкир Рафаилов.

Генерал Згурский захлопнул крышку часов и сунул их обратно в карман жилета:

– Если будет снова звонить, сообщите ему, что я обязательно свяжусь с ним по возвращении.

⁸ Сюрте – главное управление безопасности министерства иностранных дел Франции.

Глава 2

*«В этой стране так жарко, что чаша народного гнева пересыхает
задолго до того, как успевает наполниться».*

Лоуренс Аравийский

Апрель 1924

Истошный вопль «Атанда!»⁹, многократно повторенный, будто эхом, прозвучал над Сухаревским рынком, и торгующие «на крик» продавцы всякой всячины смолкли на полуслове, торопясь покинуть оживленный пятачок на углу Садовой кольца и Большой Сухаревской улицы.

«Облава! Облава!» – неслось по торговым рядам. В общей суматохе никто не обратил внимания на автомобиль, въехавший во двор одного из домов по Садовой улице. Люди в кожанках, выскочив из машины, заняли позиции в арке ворот, у дверей черного хода. После этого из авто стремительно, как нож из рукава, появился высокий худой человек в длинной шинели. Он поднялся на третий этаж, огляделся по сторонам и, увидев на двери начищенную латунную табличку «Доктор Спесивцев Ф. Ф.», тихо постучал. Щелкнул замок, дверь приоткрылась:

– Входите, Феликс Эдмундович. Не надо волноваться.

– К чему эта таинственность, Иосиф Виссарионович? Как в царское время: явочные квартиры, пароли...

– В царское время вы не смогли бы поднять на ноги всю московскую жандармерию, чтобы встретиться наедине с товарищем по партии.

– А что, по-вашему, я должен был делать? С тех пор, как товарищ Троцкий возглавил Совет народных комиссаров, он только и говорит об очищении партийных рядов от скверны, от примазавшихся и приспособленцев.

Ясное дело – под такую гребенку попадают все, кто не согласен со Львом Давидовичем.

Пока что он занят травлей Бухарина, упрекая его в буржуазном разложении и объявляя новую экономическую политику дезертирством с позиций перманентной мировой революции.

Поверьте, даже я чувствую за собой слезку.

– В районе Сухаревского рынка всегда много людей, здесь несложно затеряться.

– Мне – сложно, – вспыхнул Дзержинский. – Разве что, обречься наголо.

– Ну, это лишнее. Но визит к врачу можно было обставить не так помпезно.

Но перейдем к делу. Я думаю, сейчас ни для кого из нас уже не секрет, что в партии назревает раскол.

Многие старые партийцы, прошедшие долгие годы в эмиграции, оторвались от жизни и не желают видеть реальной России. Они хотели бы этакую Швейцарию с утренним кофе и круассаном, как любит рассказывать товарищ Зиновьев. А ведь он не только глава города, носящего имя Ленина. Он также председатель коммунистического Интернационала. Он, как и товарищ Троцкий, не хочет понять, что Советский Союз – не Швейцария.

Их не интересует, что такая великая крестьянская держава, как Россия, не имеет возможности стать могучей индустриальной страной в один момент.

Наше уважение к бывшим заслугам этих товарищей, к сожалению, позволяет им блокировать работу партии.

– Чего вы в этой связи ждете от меня, Иосиф Виссарионович?

⁹ Атанда – жарг. «Внимание!», «Берегись!» от французского «Аттанде» – опасно

– Я полагаюсь на вас, как на человека знающего, человека дельного и мудрого. Сейчас время предпринять решительные меры и остановить наметившийся раскол. Иначе государство рабочих и крестьян обречено на гибель.

Под руководством товарища Троцкого Советский Союз, не встав на ноги, истощит силы в бесполезных попытках разжечь пожар революции по всему миру.

– При нынешней ситуации – да. Но если опыты профессора Дехтерева окажутся успешными?

– Не будем торопить события. Возможно, мы стоим на пороге великого открытия. Открытия, позволяющего изменить все представления о войне. Но от опытов до внедрения в жизнь новых разработок проходят годы и десятилетия.

С товарищем Троцким у нас их может не быть. Положение Советского Союза очень шаткое. Не следует забывать – мировая буржуазия внимательно следит за каждым нашим шагом. Если информация об успехах профессора Дехтерева просочится через границу, наши враги захотят заполучить такое оружие. Время работает против нас, Феликс Эдмундович.

Мы не можем ждать, чтобы кризис в партии как-то разрешился сам по себе. Или мы победим, или нас сотрут в порошок.

Товарищ Троцкий – человек решительный. Ради поставленной цели он не остановится ни перед чем.

– Современный Бонапарт.

– Ваша оценка вполне совпадает с моей. Не зря же новый председатель Совета народных комиссаров оставил за собой пост наркомвоенмора. Мы с вами помним, что многие заговорщики в истории опирались на штыки.

– Вы полагаете, что товарищ Троцкий намеревается захватить единоличную власть в стране?

– Когда-то, еще на Царицынском фронте мы сильно спорили со Львом Давидовичем о сути Красной Армии. В те дни он отстранил от командования товарища Ворошилова и поставил бывшего царского генерала. В запальчивости наркомвоенмор произнес фразу, которая занозой сидит в моей памяти. Я говорил, что золотопогонник не может вести в бой пролетарские отряды, но Троцкий возразил, что Красная Армия должна быть, как редиска.

– Как редиска? – удивленно переспросил Дзержинский.

– Как редиска, – подтвердил Сталин. – Снаружи красная, внутри, по сути, белая. И он всё делает для этого. По его распоряжению в Красную Армию попало огромное количество бывших царских офицеров и генералов. Среди них встречаются люди, преданные революции, но таких немного. Большинство же спит и видит крушение нашего государства – первого в мире государства рабочих и крестьян.

Сейчас, когда их благородия спасли шкуры от революционного правосудия и красного террора, они успокоились, и готовы ударить нам в спину. А ведь многие в партии смотрят на них с полным доверием.

Кстати, генералом, которого Троцкий поставил во главе армии в Царицыне, был тот самый генерал Самойлов. На сегодняшний день он не только преподает Троцкому дворянское искусство охоты, но и начальствует над всеми военно-учебными заведениями Московского округа. Вы представляете, какие идеи, какие мысли может вложить этот горе-воспитатель в головы молодых красных командиров?

А сколько таких генералов и офицеров, как Самойлов, на ответственных постах в военном аппарате? Мы помним, что даже выпускников Академии Генерального штаба – этой кузницы военных кадров самодержавия – в гражданскую войну сражалось на нашей стороне больше, чем на стороне белых! Как тогда, так и сейчас за ними нужен глаз да глаз.

Мы не забыли историю с заговором в полевом штабе командующего вооруженными силами республики товарища Вацетиса. Тогда мы успели своевременно отреагировать и

предотвратить крах советского военного управления. Теперь же нити заговора тянутся, вероятно, куда выше.

– Что мы можем предпринять, Иосиф Виссарионович?

Сталин подошел к окну и открыл форточку:

– Душно сегодня. Наверное, гроза будет. Апрель, а погода совсем как в мае.

– Новый план Москвы! – доносилось с Сухаревки. – Все улицы, все переулки, все закоулки, все повороты, все завороты, все тропы, все блохи, тараканы и клопы!

Торговцы, после облавы вернувшиеся на свои места, продолжили делать еще не отмененные, но уже приговоренные деньги.

– Только двадцать копеек! – продолжал тот же зычный голос. – Необходимо иметь на стене, чтобы мухам не заблудиться!

– Что я предлагаю... – секретарь Центрального комитета партии поглядел на главу Всесоюзной чрезвычайной комиссии, и тому очень живо вспомнился молодой Иосиф Джугашвили – грабитель банков. На деньги, добытые им, некогда проводился второй съезд партии социал-демократов в Лондоне.

– Я предлагаю, Феликс, не допустить раскол в партии и нанести удар до того, как новый Бонапарт пожелает взойти на трон на штыках своих золотопогонных гренадеров. Мы должны заблаговременно разоблачить заговор Троцкого против Советской власти, против трудового народа.

– Но если такого заговора в действительности нет?

– Если такого заговора нет сегодня, он обязательно созреет завтра – это продиктовано самим ходом истории, логикой революционной борьбы. Но тогда предпринимать что-либо будет уже поздно. Можно не сомневаться – наш враг хорошо представляет, куда и когда нанести удар. И он не будет стесняться в выборе средств.

Не сегодня, так завтра товарищ Троцкий через верное ему офицерство будет искать связи с белой эмиграцией. Ему жизненно необходимо либо заручиться ее поддержкой, либо достичь нейтралитета, чтобы в решающий момент не ждать от закордонных центров удара в спину, – Сталин достал трубку, набил табаком и не спеша закурил. – У вас, товарищ Дзержинский, имеется опыт удачной борьбы против опаснейшей террористической организации такого сильного конспиратора, как Борис Викторович Савинков.

– Вы говорите об операции «Трест»?

– Именно так. Я думаю, вам следует хорошенько подумать о новой операции. Ну, скажем, «Картель».

Сталин замолчал и выдохнул дым, испытующе глядя на «железного» Феликса, а в комнату влетело залихватское:

– Клопы подымают, блохи умирают, моль летает, тараканы опасаются, мухи промеж себя кусаются. Единственная натуральная жидкость! Верное средство! Купите больше – семейству еще откажете в наследство!

– Я полностью с вами согласен, Иосиф Виссарионович, – после затянувшейся паузы медленно произнес Дзержинский.

– Это хорошо. Хорошо, что мы поняли друг друга.

– Думаю, в этом деле можно использовать подполковника Шведова, проходящего у нас по делу о покушении на товарища Троцкого.

Сентябрь 1614

Князь Пожарский медленно проехал меж понурых бородачей со связанными за спиной руками. Чуть поодаль, у самого входа в ямской двор, громоздилась куча брошенного оружия – не абы какого, но все же.

– Да-а, братец... – князь Дмитрий погладил седеющие усы, – лихо ты их. На такую-то ораву – и в одиночку!

– Отчего же в одиночку? Казаки Варравы в самый раз подоспели. Как и говорено было, – ответил Францишек, в православном крещении – Федор Згурский.

– Оно, конечно, верно. Да только в самую пасть ты голову сунул.

– Мне место то давно уж подозрительным казалось. В Москву ли, от Москвы ехать по этому тракту, а повелось так – с постоялого двора люди уезжают чуть свет, далее их никто не видит. И по дороге – ни крика, ни шума, ни следов каких. Вот я и сообразил, что отсель из тех, кто пропал, никто, поди, и не выезжал. А что люди сани да кибитки видели – то лишь игра, морок. Сами разбойнички, переодевшись, и ехали. Следы путали.

– Молодец, удумал.

– Что удумалось, что Варрава надоумил. Он же сам в молодые годы разбойничал. Как-то на монастырский обоз напал, а там охрана знатная. Изловили его, да и положили на суку вздернуть, но тут ему свезло – акkurat канун Христовой Пасхи был. Вот в память о разбойнике, которого в тот день помиловали, и Егория жизни не лишили. С тех пор к нему прозвание «Варрава» и пристало.

– Вот, значит, отчего он за тебя тогда за саблю схватился. Неспроста в молнии божий знак увидал.

Згурский чуть заметно улыбнулся.

– Расскажи, как дело было, – продолжил князь.

– Под вечер прискакал я сюда, спросил себе горницу отдельную, коней накормить да почистить, обед самый наилучший... Когда до монет дошло – открыл ларец, а там поверху серебряные рубли, да талеры. Трактирщик как глянул, так сразу добрым стал. Как Варрава говорит, «хошь до болячки прикладай». Правда, горницы свободной у него не сыскалось, так предложил мне в бане заночевать – там, мол, к предбаннику настоящие хоромы пристроены.

– Ну ты, ясно дело, согласился...

– Как не согласиться? Я еще до того, как в трактир заехал, место это кругом обошел. К заднему двору от леса тропка ведет – к баньке можно незамеченным добраться и уйти тихо... Трапезу мне хозяин щедрую выставил, тут жаловаться грех. Правда, в вино зелья сонного подмешал, ну так я ж его не упредил, что вина не пью... А как я, вроде бы захмелел, чуть за полночь, слышу – шорох. Глянь – лучик света пробивается, да щеколда тихо-тихо так ножом подымается. Я на лавке сел, ларец открыл, а там под монетами – восемь пистолей заряженных. Дальше что рассказывать? Как дверь открылась, монеты на пол сыпанул. Разбойнички – кто стоять остался, кто за деньгами кинулся. Я пальнул, потом за саблю схватился, а там и Варрава подоспел.

– Экий хват! – довольно заметил Пожарский. – Немалую шайку взяли! Проси себе награды.

Взгляд Францишека Згурского стал пристально испытывающим:

– И что спрошу – исполнишь?

– Мономашьего венца не обещаю, однако ж...

– Венец мне без надобности. Отпусти, князь, домой на три месяца.

– А на что тебе домой? Или тебе здесь плохо?

– Меня король Владислав не просто так в Московию с посланием к царю Михаилу направил. Он меня на верную смерть отослал.

– Вот те, на! Или ему этикие молодцы не нужны?

– Пожелал зазнобу мою, невесту, замуж выдать. За тем и спровадил меня на гибель неминуемую. Невеста поклялась год с половиной ждать, замуж не идти – время скоро истекает, медлить нельзя.

– Так ведь там порешат тебя.

– Может, и порешат. Может, и нет... Как выйдет. Пред тобой я чист, пред королем Владиславом – также. Я его волю до конца исполнил. Он мне наказал оставаться при царе Михаиле и быть ему послушным – так оно и случилось.

– Да... неправое дело, кривда злая... Что ж, отпускаю, езжай. Но только вернешься ли?

– Слово даю – вернусь. Коли через три месяца не будет, то, стало быть, убили меня. Тогда не обессудь, князь.

– Верю тебе. Езжай, – Пожарский вздохнул и погладил бороду. – Хотя стой. Спросить хочу. Ты часом не знаешь, что ж такого-разэтакого в королевском послании было, что Михаил тебя вдруг повесить вознамерился?

– Знаю. Родич мой – королевский секретарь. Он мне и поведал про то, что король Владислав каверзу задумал. И о письме рассказал. Владислав царю Михаилу слал привет свой и на царство благословение. Новый русский царь при нем прежде бестужно жил и жалован был немало. Вот король ему и отписал: мол, зла и обид я на тебя не держу, ибо ведаю, что московиты инородца да иноверца на троне не признают. Но ежели Михаил, как и прежде, Владиславу на верность присягнет, то быть меж ними империуму. И станет Михаил королю Владиславу первым другом и помощником. Нынче вон шведы под Новгородом и Псковом царю досаждают, ну а коли примет Михаил царство из рук короля Владислава, то заедино против шведов пойдут. А так как шведские земли по закону тоже королю Владиславу подвластны быть должны, то когда поход сей победой завершится, империум новый превыше всех иных европейских держав будет.

– Завлекательные письма, – покачал головой Пожарский.

– Не мне о том судить. Да только родич мой как есть заверил, что Михаил на такое дело ни за что не согласится.

– Потому и случилось как по писанному. Ладно, – Пожарский положил руку на плечо соратника, – как минет три месяца, жду тебя на своем дворе. Лети, сокол, да не достигнут тебя вражьи стрелы.

Начало мая 1924

Городок, вернее большое село, Елчаниново располагалось в десяти верстах от железной дороги. Быть может, черкни карандаш неведомого инженера-путейца чуть левее, и стало бы оно волостным центром. Но не судьба – так и приходилось возить на станцию подводами мясо и колбасы из городских коптилен, кожаную обувь и свечи местных фабрик, да зерно с паровых мельниц.

Дорога к «железке» с утра по будням всегда была забита телегами, и автомобиль начальника милиции то и дело сигналил, пугая лошадей. Наконец, дребезжащий латаный авто выехал на центральную улицу Елчанинова, с недавних пор сменившую название Александровская на более уместное – Третьего Интернационала.

– Вот что я тебе скажу, Судаков, – разглядывая кресты на колокольне Борисоглебского собора, небрежно бросил начальнику милиции представитель волостного ГПУ по фамилии Гуц, – прислали вы в центр бумагу – мол, собрание горожан единодушно просит сменить старорежимное название вашего села на гордое имя «Парижская коммуна». Что сказать, я поддерживаю такое начинание. В самом деле, кто таков есть этот Елчанинов? Небось, помещик местный?

– Воевода, – не прекращая крутить баранку, пояснил начальник милиции. – Я когда в реальном училище обучался, нам поп рассказывал, что еще при царе Михаиле Романове воеводу с отрядом против татар послали, вот он на высоком берегу нашей Стуженки поставил острожек. А из него после и городок вырос. Сам Елчанинов здесь в бою погиб.

– Да как бы то ни было... Воевода – тот же помещик! Вы же должны отрясти прах его со своих ног, если желаете идти в новый мир.

– Ясное дело, желаем. Кто же не желает?

– Это ты, Судаков, глупость сейчас брякнул. Расслабился, бдительность утратил. Много кто не желает! А вот ты – хоть и не совсем еще коммунист, но по натуре своей большевик, ответь мне, куда ваша партийная организация смотрит? Отчего над всей округой это паучье семя, – проверяющий ткнул пальцем в кресты, – своими пыточными орудиями сияет?

– Ну так... Повелось...

– Я ж говорю – бдительность потеряли. Рано вы на такое высокое звание замахнулись! Какая уж тут Парижская коммуна? Разве может быть этакое позорище при Парижской коммуне?

– Исправимся, – вздохнул Судаков и тут же притормозил у тротуара единственной в городе мощеной улицы, чтобы поздороваться с молодой женщиной. – Доброго дня, Таисия Матвеевна! Как здоровьице?

– Благодарю вас, Петр Федорович, – женщина улыбнулась как-то особенно мягко, так что выдавший виды гэнэушник нахмурился и мотнул головой – что за наваждение?

– Как Варька моя?

– Варвара – очень способная девушка и очень старательная. Сегодня у нее – «отлично».

– За «отлично» благодарствуйте! – начальник милиции приподнял шоферскую кожаную кепку и улыбнулся, поглаживая кавалерийские усы.

– Кто такая? – быстро спросил проверяющий, когда гроыхавший по брусчатке старенький «форд» отъехал дальше.

– Учительница здешняя. Словесность преподает, рисование, музыку, географию, опять же...

– Из бывших? – конкретизировал вопрос зоркий чекист.

– Да как сказать...

– Как есть, так и говори.

– Ну, ежели толком, мало что известно. В восемнадцатом году ее с дочерью у вас на станции приняли – «испанка». Еле выжили. А как оклемались, в госпиталь сестрой милосердной устроилась. В войну в поезде санитарном служила.

– Да что с того, что служила! Вон императрица с дочерьми, сказывают, тоже в сестрах милосердных ходили.

– Эта, небось, не великая княжна.

– А ты почем знаешь кто она да откуда?

– В документах значится – солдатка.

– И где ж тот солдат?

– В германскую без вести пропал.

– Такие без вести пропавшие сейчас по границам тыщами скрываются!

– А сколько их в землю легло? – с укором поглядел милиционер. – Без могилы и доброго слова. Того поболее будет.

– Вот странный ты человек, я погляжу. Тебя советская власть поставила за порядком надзирать, а ты здесь демагогию разводишь! По повадке видать, что дамочка из бывших, а представитель боевого отряда советской власти ей чуть ли не в пояс кланяется!

– Таисия Матвеевна всю гражданскую войну при госпитале состояла. Многих красноармейцев и командиров выходила. Рядом с ней, говорят, и раны затягивались быстрее обычного – будто ангел перстами касался!

– Ты мне эту поповскую бесовщину брось!

– Правда, когда Первая конная на Врангеля через Елчаниново шла, – начальник милиции задумался, вспоминая, – краском¹⁰ – по всему видать, из военспецов – как Таисию Матвеевну увидел, обрадовался и сказал, что мужа ее знает. Но так ли, нет ли – поди проверь. На следующий день войска на Крым ушли.

– Ох, Судаков, Судаков... Толку от тебя, как от козла молока.

– Да ну вот... – Начальник милиции поднял было руку, чтоб перекреститься, – честное большевистское слово даю! Таисия Матвеевна – человек самый что ни на есть безобидный! А уж как ее ученики любят, о том вся округа толкует. Дома только и слышно: учительница то, учительница это...

– «То», «это»... – передразнил гэдэушник, – а ты как думал – врангелевский шпион будет ходить тебе – грудь в крестах, да с золотыми погонами? Они всегда маскируются так, что на глазок и не распознаешь. Тут особая бдительность нужна! Дай-ка мне ее адресок...

– Да что вы такое говорите! Едемте лучше ко мне – жена уже заждалась, на стол, поди, накрыла.

– Ты, друг ситцевый, с детства, что ли, дурак, или на войне по башке шарахнуло? Пока за бандами по уезду гонялся – вроде бы истинный большевик был, а сейчас, я гляжу, обмещанился? Цветочки-герань завел? Канареек? А слышал, что товарищ Троцкий объявил борьбу с примазавшимися к партии мещанскими приспособленцами? Гляди, как бы тебе под чистку не попасть! Давай адрес!

– Стрелецкая, два. Во флигеле, – хмуро ответил милиционер. – Вон там вон поворот.

– Стрелецкая... Назвали бы уж Краснострелковая, – сплюнул проверяющий.

Домой начальник милиции вернулся один, буркнул на вопрос жены о госте что-то невразумительное и, уйдя в свою отгороженную шкафом каморку, стал чистить наган с серебряной табличкой *«Краскому Судакову за лихость в бою против денкинцев. От предреввоенсовета Л.Троцкого»*.

Ему, уроженцу здешних мест, знавшему в округе все и вся, как никому другому была подозрительна столь любимая его дочерью учительница. Он помнил фамилию военспеца, разговарившегося после обильного застолья в кругу лихих буденовцев. Собственно говоря, этот вчерашний золотопогонник и являлся организатором Первой конной, тенью легендарного командарма. Бывший царский полковник Щелоков в германскую служил в Ставке императора. Если уж он и впрямь знал мужа Таисии Матвеевны, то по всему видать – тот был не из прапорщиков военного времени, настоящая белая кость, голубая кровь. Но что касательно самой учительницы, многое в жизни повидавший Судаков мог поклясться, что добрее и светлее человека века встречать ему не приходилось.

Он выдвинул барабан из револьвера, зачем-то пересчитал патроны и начал чистить шомполлом и без того идеально выдраенный ствол. Бог весть, сколько времени это у него заняло. Отвлёкся он лишь тогда, когда в прихожей хлопнула дверь.

– Куда ж вы пропали, гость дорогой? – услышал он голос жены. – А мы уж заждались. Что это вы надумали гулять...

– Муж где? – перебил ее проверяющий из центра.

– У себя Петр Федорович...

Бывший командир лихого красного эскадрона перекрестился на отсутствующий образ, вернул барабан на место и взвел курок нагана.

– Водки налей, – бросил ей чекист, входя в заветное судаковское зашкафье.

– Что? – не в силах унять стучавшую в висках кровь, выдавил начальник милиции.

¹⁰ Краском – красный командир.

– Ерундовина какая-то получается, – сотрудник волостного ГПУ прошел мимо Судакова, будто не замечая револьвера, зажатого в его руке, и уселся на стул. – Хреновина, одним словом...

– Толком говори! – забывая о субординации, потребовал начальник милиции.

– Да что тут говорить, – залпом осушая принесенный стакан, выдохнул его собеседник. – Ух, ядреный первач! Шел я на адрес с твердым убеждением, что надо этой контре учинить допрос по всей строгости, а лишь только порог ее переступил, таким уютом на меня повеяло, таким покоем, не то что допрос, а словечка супротив вымолвить не смог! Посидел, чаю выпил, как баран что-то проблеял, и наутек. Когда б верил я в бабкины сказки, решил бы, что училка ваша – как есть, ведьма. Тьфу ты! А ну-ка плесни еще!

Глава 3

*В умелых руках палка в колесе превращается в ось.
Генри Форд*

Конец апреля 1924

С детских лет Феликс Дзержинский хотел быть священником. При малейшей возможности он приходил в кафедральный собор Вильно, тихо садился в углу, замороженно слушал величественные переливы старинного органа. Полный трепетного восторга, на крыльях звуков торжественной мессы он возносился душой к трону Господню. Наступит день, и Феликс взойдет на амвон, чтобы нести слово божье людям...

Детство кончилось внезапно, будто с уличной тумбы сорвали ветхую афишу и наклеили другую. Стремление властвовать над душами не исчезло, даже усилилось. Но теперь у него был другой бог и другое писание. Он ощущал себя апостолом новой веры и готов был приложить для ее торжества не меньше рвения, чем идеал его детства, беспощадный Игнатий Лойола.

Еще задолго до революции несостоявшийся ксендз с гордостью принял на себя заботу о безопасности партии. На миг мелькнуло в памяти, что тем же занимался Святой Петр в кругу учеников Христа. С возмущением отогнал образ бессильного, рабского бога. Подвиг ждал его, а не какого-то там Петра с Тиверийского озера, – его, Феликса Дзержинского!

Круговерть революции поломала, скрутила, перелопатила людские судьбы, перекрыла все хоженные пути, оставляя возможность прокладывать новую, прежде неведомую дорогу в воспетое большевиками светлое будущее.

Сейчас в своем кабинете на Лубянке вдумчиво, как прежде катехизис, изучал он материалы дела о покушении на товарища Троцкого. Товарища, которого он терпеть не мог от всей души как иноверца, выскочку и... Дзержинский не хотел себе в этом признаться, но яростный, кипучий председатель Реввоенсовета до оторопи, до жути напоминал ему дьявола! Дьявола с икон и фресок, но только не поверженного, а воспрявшего и торжествующего! Странные шишковидные выступления на лбу Льва Давидовича еще более усиливали это сходство. Борьба с лукавым Феликсу Эдмундовичу представлялась делом святым, для которого, как учил своих иезуитов Лойола, – все средства хороши!

Средство, которым сейчас намеревался воспользоваться Феликс Эдмундович, числилось среди тех, что следовало приберечь лишь для очень важных случаев. Председателю ОГПУ, истинному большевику, крайне не хотелось использовать это «секретное оружие», но речь шла о слишком щекотливом деле – альтернативы не было.

Дзержинский выжидательно поглядел на дверь, покачал головой и вновь обратился к материалам следствия. Как сообщил на допросе арестованный участник теракта, штабс-капитан Губин, группа, устроившая засаду в октябре прошлого года, принадлежала к Кутеповскому Союзу русских террористов и ставила задачу уничтожения Троцкого, Дзержинского, Зиновьева и других вождей советского государства.

Штабс-капитан оказался не особо крепкого десятка, и притом – большим говоруном. От него стало известно, что руководитель группы, бывший подполковник Шведов, назначил встречу соучастникам в поселке Большая Ижора, неподалеку от Ленинграда, на конспиративной квартире у своего бывшего сослуживца, поручика, а затем красного командира – дивизионного начальника артиллерии, Линевица...

Он вошел в кабинет быстрой походкой – высокий, худой, с негнушейся спиной, высоким лбом над внимательными глазами, вислые седые усы придавали лицу печальное выражение, а темный партикулярный костюм не мог скрыть, насколько привычны к тяжелым эполетам разведенные плечи этого пожилого мужчины.

– Проходите, Владимир Федорович. Давно жду вас, – Дзержинский уже не в первый раз произносил эту фразу, но все никак не мог приучить себя к мысли, что его собеседник и, как ни удивительно, помощник, совсем недавно возглавлял Отдельный корпус жандармов, а до того – подавлял вооруженный мятеж в Москве.

Всякий раз, встречаясь с ним, Феликс Эдмундович ловил себя на мысли, что ему приятно находиться в обществе этого знающего и тонко просчитывающего ходы человека. Без преувеличения, когда б не генерал-лейтенант Джунковский, молодой советской власти не видать тех сокрушительных побед в тайной войне, которыми по прошествии лет она сможет похвалиться.

– Феликс Эдмундович – коротко пожимая протянутую руку, начал бывший шеф Корпуса жандармов, – Как я и предполагал, мы продолжаем оперативную игру с белогвардейским подпольем?

– Верно. По сути, иначе и быть не может. Новая операция имеет название «Картель».

– Забавно, – чуть заметно усмехнулся Джунковский. – Кроме, так сказать, промышленного значения, это слово еще имеет иной смысл. Картель – это вызов на дуэль.

– Действительно, забавно.

– С кем же мы на этот раз намерены дуэлировать?

– Это нам также предстоит установить. Вы – человек военный, представьте, что вам противостоит враг сильный и опасный. Куда бы вы нанесли главный удар?

– Вы задаете непростой вопрос. Прежде наступления следовало бы провести разведку.

– Именно этим, собственно говоря, мы здесь и занимаемся.

– Что ж, если вам угодно послушать мои соображения, извольте, – свысока глядя на вчерашнего противника, начал Джунковский. – Сейчас, когда мы с божьей помощью уничтожили Савинкова и его организацию, нашим основным противником остался Русский Обще-Воинский Союз. Как известно, его лидеры – генералы Кутепов, Миллер, Эрдели и ряд иных, не менее известных военачальников. Есть, конечно, такие фигуры, как великий князь Николай Николаевич, великий князь Кирилл Владимирович, генералы Деникин и Врангель... Они также имеют вес в эмигрантских кругах, но по большей части это герои вчерашних дней. Сегодня они не у дел. Прошу вас обратить на этот факт особое внимание, он крайне важен. У них куда меньше авантюризма, нежели у савинковцев, куда больше четкого системного подхода. Чтобы расколоть такую мощную военную и политическую организацию как РОВС, кавалерийский наскок не пойдет, нужно отыскать внутреннюю слабину.

– Вы полагаете, она там имеется?

– Непременно, Феликс Эдмундович, непременно, – скривил губы бывший шеф корпуса жандармов. – В любой организации есть слабина! Как вы думаете, почему те же Деникин и Врангель сейчас кропают мемуары? Почему не они, а генерал Кутепов ходит на доклад к великому князю Николаю Николаевичу? С его императорским высочеством понятно – он лишь символ, икона. Для великого множества русских офицеров любовь к родине заключалась в фанатичном поклонении дяде государя императора. Для них смещение Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего было и остается национальной и личной трагедией. Но где теперь недавние «вожди русских ратей»? Почему их роль в РОВС ныне сводится к роли свадебных генералов?

– Все это очень интересно, но что нам дает подобное знание?

– Можете поверить моему долгому опыту, – Джунковский погладил усы, как это делал всегда, стараясь затаить часть имевшихся на руках карт, – очень многое. Оно позволяет нам живо представить умонастроение внутри офицерской массы, выброшенной за пределы России.

Берусь утверждать, что внутри Обще-Воинского Союза обязательно наличествует группа, я уверен, – немалая и деятельная – группа тех, кто считает былых вождей напрямую ответственными за проигрыш в гражданской войне. Я бы назвал эту группу «Движением капитанов», хотя, несомненно, в ней присутствуют и прапорщики, и – более чем вероятно – генералы.

– Должно быть, так и есть, – обдумав услышанное, кивнул председатель ОГПУ. – То есть, вы хотите сказать, что мы были бы заинтересованы выйти на связь с руководством этой группы?

– Вы уловили суть. Необходимо выйти на связь, узнать, чем они дышат, и взорвать РОВС изнутри. Именно через этих господ капитанов.

– Да, это был бы сильный ход.

– Можете не сомневаться.

– Но каким образом отыскать тех, кто, очевидно, не афиширует свое положение даже среди собратьев по оружию?

– Феликс Эдмундович, всё очень просто, – на губах Джунковского мелькнула невольная усмешка, и его собеседнику очень живо вдруг представились жандармские эполеты на развернутых плечах бывшего генерала. – Вы исходите из неверной предпосылки, что таких людей следует искать. Наверняка, они весьма осторожны и не горят желанием попасть в западню, как мартышка лапой в долбленную тыкву. Надо выманить будущую жертву из убежища, заставить ее саму пойти за приманкой.

– Кто же станет такой приманкой?

– Мне представляется, что это должна быть особа хорошо известная, в чинах и, вместе с тем, не отличающаяся симпатией к новой власти.

– Вы имеете в виду себя? – улыбнулся Дзержинский.

– Ни в коем случае. Я лоялен к власти большевиков не менее, хотя и не более, чем был лоялен к государю-императору. К тому же меня вполне устраивает неприметная жизнь в глуши подмосковной дачи. Нашей приманкой, как мне видится, должен стать генерал Брусилов.

– Брусилов? – удивленно переспросил хранитель карающего меча партии большевиков.

– Вы не ослышались.

– Однако если я не ошибаюсь, имя Брусилова сейчас в эмигрантских кругах предают церковной анафеме – как главного иуду императорской армии.

– Поверьте, это незаслуженная честь. Хотя, что мудрить... Алексей Алексеевич всегда был угодником. И не только дамским. Но оставим в стороне его реальные личные качества и посмотрим на тот образ, который можно создать. Итак, никто – ни друг, ни враг – не станет сомневаться в полководческом даре генерала Брусилова. Его знаменитый прорыв сейчас изучают во всех военных академиях, как образец стратегического наступления в современной войне. Хотя, на мой взгляд, он не смог полностью использовать все возможности имевшейся у него конницы. Но сейчас о другом. Мало кому известно, что Алексей Алексеевич в восемнадцатом году состоял в организации, поддерживающей создание добровольческой армии генерала Корнилова – этого знамени белого движения. Потом вдруг – резкий поворот, и Брусилов поступил на службу к большевикам. И ныне его высокопревосходительство занимает должность инспектора всей советской кавалерии. Немалый пост, я вам доложу.

– Вполне соответствующий его знаниям и опыту.

– Да, несомненно, – подтвердил Джунковский. – Однако, ни для кого даже в этих стенах не секрет, что взгляды генерала Брусилова как были монархическими, так и остались. Он честный службист, к тому же знает, с какой ненавистью относятся к нему вчерашние собратья.

– К чему вы клоните, Владимир Федорович?

– Брусилов – идеальная фигура. Ненависть, которую к нему сейчас испытывают, – его алиби. Непробиваемое алиби. Такой человек не станет искать контакт с РОВС без особой нужды.

А ведь по сути, Брусилова обвиняют попусту. Он в очередной раз явил миру свой полководческий гений. Только его блестящей победы в запале никто не заметил. Посудите сами: в свое время благодаря его воззванию в ряды Красной Армии влилось огромное количество белых офицеров и генералов. Если я правильно оцениваю маневр генерала Брусилова – он попросту желал сохранить скелет прежней армии, чтобы затем, нарастив свежее «мясо», получить в руки ту силу, с которой можно совершить новое преобразование государственной власти.

– Переворот? – задохнувшись от внезапного прозрения, скороговоркой проговорил Дзержинский.

– Если хотите, да, – бывший жандарм утвердительно склонил голову. – Но Брусилов не политик, он – военный. А у нас при царе-батюшке среди офицеров считалось зазорным интересоваться вопросами управления государством, а уж тем паче – экономикой. Он задумал создать меч, который должна взять твердая рука. Во многом ему это удалось.

– Вы считаете, что подобная организация действительно существует? – в тоне Феликса Эдмундовича уже слышалась суровая настороженность.

– Быть может – да, быть может – нет. Мне о том ничего не известно. Я не работаю у вас, а лишь помогаю. Так сказать, обучаю ремеслу. Но заметьте, Феликс Эдмундович, вы уже почти поверили в наличие такой организации.

– Это моя обязанность, – сконфуженно буркнул председатель ОГПУ. – Я могу поверить даже в чертей с Марса, если они каким-то образом смогут угрожать республике!

– Конечно, – мягко и насмешливо продолжил Джунковский. – Но для тех, кто вам противостоит – это тоже обязанность. Они поклялись не останавливаться и не складывать оружия в борьбе с вами. Прежние вожди, как мы уже говорили, себя изжили. Новые просто вынуждены искать иные методы борьбы, нежели прежде.

Генерал Брусилов сейчас тяжело болен, он просит выпустить его в Чехию, в Карловы Вары, для лечения. Уверен, правительство этой страны, памятуя о том огромном вкладе, который внес Алексей Алексеевич в освобождение чехов из-под австрийского ига, с радостью примет героя. С другой стороны, такой шаг гуманизма большевистской власти будет широко разрекламирован в прессе.

– А если вдруг его захотят убить? В Чехии, насколько мне известно, немало белоэмигрантов.

– Немало. Однако его будут охранять не только агенты тайной полиции, но и любовь народа. Даже самому тупому фельдфебелю понятно, что выстрел в Брусилова где-нибудь в Праге прокатится волной жесточайших репрессий против всех русских, живущих там. Кроме того, у вас есть агенты Коминтерна, которые тоже не оставят без внимания инспектора вашей кавалерии.

– Агенты Коминтерна – не ваше дело, Владимир Федорович, – оборвал его Дзержинский. – В плане есть одна загвоздка: если описанной вами организации не существует, то о чем Брусилов станет говорить с резидентом белых? А если... – контрразведчик замаялся, – не дай бог, она и впрямь не плод вашего воображения, то мы вручаем откованный меч в руки врага.

– Да упаси бог! Феликс Эдмундович, с чего же это вы решили, что Брусилову надлежит встречаться с резидентом?

– Но вы же только что сами говорили...

– Я говорил, что почтенному заслуженному человеку, герою войны, следует выехать на лечение в Карловы Вары.

– Так что же тогда?

– Из материалов прошлого расследования известно, – с легкой насмешкой проговорил Джунковский, – что у вас по делу о покушении на товарища Троцкого проходит бывший подполковник Шведов.

– Проходит, – отодвигая папку, словно бывший жандарм мог читать сквозь нее, подтвердил первый чекист.

– Так вот, его необходимо спасти. Необходимо, чтобы кто-то из бывших офицеров, ныне занимающих ответственный пост и пользующихся вашим доверием, помог Шведову скрыться. А заодно сообщил ему о существовании военной организации Брусилова и о том, что Алексей Алексеевич вскоре должен выехать в Чехию на лечение и будет искать встречи с представителем мыслящих кругов белой эмиграции. Понятное дело, такие одиозные фигуры, как Кутепов, на подобную встречу не пойдут. Он упрям, как мул. Пока не будет доказана невиновность и кристальная чистота Алексея Алексеевича, он под страхом расстрела не подаст ему руки. А вот тот, кто пойдет на контакт, и будет искомой фигурой в дальнейшей оперативной разработке. И тут ваша главная задача – не дать мистеру Икс встретиться с Брусиловым. Увести его буквально из-под носа.

– Понятно, – радостно потер руки Дзержинский.

– Я знал, что вы меня поймете. А теперь позвольте откланяться. Думаю, все детали вы сможете продумать и без меня.

– Да-да, конечно. Только один вопрос.

Бывший жандарм, остановился в дверях.

– В мое время хозяева подобных кабинетов не просили разрешения задавать вопросы. Что ж, запишем это в заслугу советской власти. Задавайте. Если смогу, отвечу.

– Ваш ответ никуда не выйдет из этих стен, и потому, если можно, откровенно. Вы – боевой генерал, вы не раз видели смерть на фронте, да и до того ходили под пулями здесь – на Красной Пресне. Вряд ли вас можно напугать расстрелом или купить усиленным пайком. Отчего вы служите нам?

Джунковский смотрел на собеседника насмешливо-испытывающим взглядом:

– Мне, конечно, следовало бы сказать, Феликс Эдмундович, что я служу не вам, а России. Отчасти, так оно и есть, но лишь отчасти. Я верю, что Россия была и будет великой державой. Император ли стоит во главе ее, или же иной правитель – это игры терминологии. Россия – государство самодержавное, по-иному существовать просто не может. Все ваши Советы, рабоче-крестьянские депутаты, большевизм – шутовство, мишура для детей. Буйных детей, во множестве своем лишившихся рассудка, а то и вовсе его никогда не имевших. Этот балаган обречен историей. Не Врангель, не Кутепов – главные враги новой власти. Главный ее враг – ход времени и историческая предопределенность. Как только в России, которой вы прицепили нелепое имя «Советский Союз», будет, чем накормить голодных, как только ей перестанет угрожать близкая и явная агрессия извне, вы перегрызете друг другу глотки, точно крысы, запертые в железном ящике. И на трон взойдет тот, кто выживет в этой сваре. Один из ваших. Не великий князь – ре-во-лю-ци-о-нер! Или, как сказали бы господа зоологи, – крысоед. Так вот этот крысоед – помяните мое слово – все повернет вспять. Он снова возродит империю. Ту самую империю, без соизволения которой, как было при государыне Екатерине Великой, в Европе пушка выстрелить не посмеет.

Вот вам мой ответ, Феликс Эдмундович. Белая же эмиграция отчасти по неразумию и озлобленности своей, отчасти потому, что ей попросту не к чему более приложить руки, создает России ту самую явную неприкрытую угрозу, о которой я уже имел честь вам говорить. Своей энергией и героизмом – я признаю их героизм, они не столько вредят советской власти, сколько оттягивают ее агонию. Именно поэтому я и борюсь с ними. А смерти я и впрямь не боюсь, – Джунковский повернул начищенную до блеска дверную ручку. – Чего и вам желаю.

Начало мая 1924

Дверь купе приоткрылась, вышколенный не хуже лакея в барском доме проводник, чуть приподняв фуражку, сообщил:

– Подъезжаем, мсье.

Згурский молча кивнул, не отрываясь от созерцания ночного пейзажа за вагонным окном. Высокий шпиль готической церкви вспарывал облака по ту сторону надраенного до блеска стекла.

«Однажды первый весенний луч, сияющий, легкий, беспечный, какой только и бывает, когда заскучавшее в зимних тучах солнце, улыбнувшись, согревает пробуждающуюся землю... Так вот, один луч увидел маленький, едва пробившийся, развернувший крошечное опахало листьев, белый ландыш...», – генерал Згурский прикрыл глаза ладонью, пытаясь отгородиться от мира за окном. С его бесконечной войной, конспиративными встречами и опаляющим холодом, жившим в том месте, где прежде стучало и рокотало сердце.

Перед ним, как на экране синемаатографа, возникла картина восемнадцатилетней давности.

Ницца, лазурные волны, набегающие на золотой песок, веселый гомон отдыхающих, крики продавцов оранжада и спелых фруктов. Этот мир и это спокойствие казались ему тогда чем-то удивительным, небывалым.

Здесь, как всегда, было много русских. Тогда, в тысяча девятьсот шестом году, русских в Ницце принимали с распростертыми объятиями. Россия задыхалась, прося кредиты у Франции, но приезжие господа сорили деньгами, создавая впечатление, что в России, должно быть, и тротуары вымощены золотом.

Подполковник Згурский, прибывший для поправки здоровья и полного излечения от ран, смотрел на отдыхающих, точно на пришельцев с другой планеты. Казалось, только вчера отряд генерала Горбатовского, в котором ему выпала честь быть начальником штаба, отказавшись признать сдачу крепости Порт-Артур, штыками прорвался сквозь окружение и ушел на соединение с русской армией. Три недели пути, снег в пять аршин, сухари да растопленный в ладонях снег. И, конечно же, перестрелки, марш-броски – почти безнадежная попытка обогнать марширующую за плечами смерть. Ушло без малого четыреста бойцов, добралось до русских позиций чуть более семидесяти – раненых, обмороженных, еле живых. Тогда он отказался идти в госпиталь и оставался в строю вплоть до подписания унижительного, навязанного американцами мира.

Сердце молодого подполковника наполнялось болью. Как и многие собратья по оружию, он твердо верил, что армии не дали победить, ударили ножом в спину, заставив прекратить боевые действия в момент, когда следовало начинать ломить силой силу. Скорбь и обида стали тем горше, когда вернувшийся в Санкт-Петербург генерал Стессель – виновник сдачи Порт-Артура – подал в суд на генерала Горбатовского за ослушание приказа. «В Российском Уставе нет приказа капитулировать!» – взорвался на суде Горбатовский. Очень скоро сам обвинитель превратился в обвиняемого, был осужден, приговорен к смертной казни, затем, с учетом прежних заслуг, к десяти годам крепости, а потом – и вовсе помилован государем.

После слушаний в суде Згурскому удалось испросить себе годовой отпуск – уехать в Ниццу лечить раны. Более душевные, нежели телесные. Ему было холодно. Постоянно холодно. Странное ощущение – внутри пылало огнём, а он не мог согреться даже здесь, на золотом песке Лазурного побережья. Часами этот странный русский бродил вдоль берега – с тяжелой, залитой свинцом тростью, разминая кисть и расхаживая простреленную во время прорыва ногу. Там, на залитой солнцем набережной, он и увидел ангела, невесть для чего, каким-то божьим

попущением спустившегося на земную твердь. Вернее, не увидел – буквально наткнулся, вновь блуждая мыслями по заснеженным тропам древнего царства Силла¹¹.

– Прошу извинить меня, – успевая поддержать стоящую у парапета девушку, которую он едва не сшиб, сконфуженно вымолвил Згурский. – Задумался, знаете ли...

– Не стоит извинений. Вы русский? – барышня улыбнулась и распахнула глаза ему навстречу.

Згурский не мог объяснить, что произошло в тот момент. Ему стало тепло. Ему стало хорошо, легко и как будто – он не мог найти подходящего слова – воздушно.

– Подполковник Згурский Владимир Игнатьевич, – отрапортовал он, чувствуя, как нелепо, по-солдафонски звучит его слова.

– Кречетникова Татьяна Михайловна, – чуть присела в реверансе девушка.

Згурскому вдруг захотелось подхватить ее на руки, сказать, что ангелам не подобает делать реверансы, подхватить и нести туда, куда она скажет, хотя бы и в горние выси, за облака, где и обитают такие ангелы.

– Ой, как хорошо! А мы с папенькой только-только приехали. Он пошел в гостиницу договариваться, а я – морем люблюсь, – будто старому знакомому рассказывала Татьяна Михайловна, и Згурский понял, зачем он выжил там, где порою думалось, что выживать не стоит.

– Вы были на войне? – глядя на увесистую трость в руках нового знакомого, поинтересовалась девушка.

– Да, – подтвердил Згурский. – Был.

– Ну конечно же! Я знаю, – Татьяна Михайловна захлопала в ладоши. – Я знаю! О вас же в газетах печатали. В «Русском инвалиде» и в журнале «Нива»! «Рота под командованием храброго капитана Згурского первой ворвалась в неприступную цитадель Пекина», – звонко продекламировала она.

– Это было целых шесть лет назад, – зачем-то уточнил Згурский.

– А я помню – отец вырезал эту статью из газеты. Там еще говорилось, что вы под ураганным огнем выкатили пушку на прямую наводку и стали бить по воротам, пока они не разлетелись в щепы. А потом вы устремились в атаку.

– Это было не совсем так.

– Но все равно. Пекин – это же так интересно!

– Бейджин, – поправил Згурский. – Местные жители называют столицу – Бейджин.

– Приходите нынче к нам чай пить! – Татьяна Михайловна улыбнулась, отчего видавшего вида подполковника окатило новой, теплой, до изнеможения нежной волной. – Папенька рад будет! Он тогда все твердил о броневом экипаже... Он у меня инженер. Военный инженер! – с гордостью сообщила новая знакомая. – Ему будет очень интересно послушать вас, – она помедлила, – мне тоже...

– Мсье, – услышал Владимир Игнатьевич. – Прага уже. Поезд стоит.

¹¹ Силла – государство, существовавшее на территории Кореи (57 г. до н. э. – 935 г н. э.).

Глава 4

То, что до сих пор вы на свободе – не ваша заслуга, а наша недоработка.

Лаврентий Берия

Май 1924

Утро глядело в свежевывымытое окно зашкафья Петра Судакова. С высокого берега Стуженки открывался кумачовый рассвет во всю ширь горизонта.

Начальник Елчаниновской милиции открыл глаза. Крынка молока, накрытая чистой белой тряпицей, сулила облегчение после вчерашней беседы с проверяющим. Тому сейчас, вероятно, было еще хуже. После возвращения из дома подозрительной училки он пил, не переставая, не слушая ничьих увещаний. В поезд, шедший глубоко за полночь, бесчувственного сотрудника ГПУ погрузили, мешок мешком, строго велел проводнику хранить сон и покой важного пассажира.

«Кажись, пронесло», – глядя, как плотная струя молока наполняет чашку, вдруг подумал Судаков и сам себе удивился, с чего это ему – вчерашнему грузчику с пристани, а сегодня лицу, именем первого в мире государства рабочих и крестьян облеченному властью – вздумалось сочувствовать скрытым недругам этого самого государства.

«Как тут глаза не шурь, а Таисия Матвеевна, даром что училка – фигура крайне подозрительная. И звать ее вовсе не Таисия. Это точно. Тот – бывший, из Первой конной – спьяну ее Татьяной величал. Мне бы тогда самому подсуетиться, да взять под стражу диковинную преподавательницу... Но ведь нет же! Рука не поднялась. И у гэпэушника, вон, тоже не поднялась. Странное дело. Как есть странное», – Судаков еще раз глянул в окно. Во дворе суетилась жена, засыпая корм цыплятам, за соседскими крышами маячили купола церкви с неуместными, но такими привычными крестами. Чуть левее виднелось здание школы – в недавнем прошлом реального училища.

«День теперича воскресный, – удовлетворенно констатировал Петр Федорович, – уроков нет».

– Варька! – думая о своем, окликнул начальник милиции.

– Чего, тять? – послышалось из-за шкафа.

– А ну-ка, иди сюда!

– Да чего надо-то? – сонная физиономия дочери появилась в его закутке.

– Отвечай по-быстрому, кружок у вас в клубе нынче есть? Ну тот самый, где вы стишки читаете...

– Как же, есть, – Варька пожала плечами, недоумевая, с чего бы это отцу интересоваться таким пустяшным делом. – А тебе для чего?

– Дерзить вздумала? Раз спрашиваю, стало быть, нужно! Не доросла еще батьке вопросы задавать – «что» да «почему»! Иди-ка сюда, – он поманил дочь пальцем.

– Ну... – голенастая девочка-подросток подошла к столу.

– В общем, так. Сегодня пойдешь на кружок пораньше. Чтобы первой быть. Таисия-то всегда прежде вас приходит?

– Ну?

– Не нукай ты! Не на конюшне. Пойдешь и скажешь, чтоб, как закончит с вами тетешкаться, никуда из клуба не шла – пусть сидит и меня дожидается.

– Бать, ты чего?

– А ну, цыть! Раз говорю, значит надо! А ты языком почем зря не чеши. Твое дело передать, да чтоб никто рядом не слышал.

– Хорошо. Скажу, как велишь... А долго ли ждать?

– Пока не приду. Запомнила?

– Ага.

– Тогда иди. Да чтоб молчок! А то враз ремня схлопочешь!

Хорошо знакомая с отцовским ремнем девчонка, молча и скоро кивнув, выскочила из родительского «кабинета».

– Черт ведь что может подумать, – глядя ей вслед, тяжело вздохнул Судаков. – Господь великий, что ж я делаю-то?

Судаков снова покосился в окно, будто высматривая заветную тропку на поросшем кустами берегу. Сколько раз в прежние годы убегал он по ней, страшась отцовского гнева... Сколько раз прятался... Нынче не спрячешься, хоть до Зазнобиного озера беги.

Сердце начальника милиции стучало, не унимаясь, как телеграфный аппарат, выбивающий на ленте недобрую весть.

«Что ж я делаю? Ведь она контра! – с тоской и необъяснимой жалостью к собственной особе, подумал бывший красный командир. – Ведь в прежние-то годы...» Он оборвал мысль, не желая вспоминать кровавый чад совсем недавних лет.

«Нет, она не такая. Не Таисия стреляла мне в спину из-за ворот, – он поскреб между лопаток то место, куда тюкнула маленькая тупорылая пуля. Будь тогда у барышни не кургузый дамский браунинг, а, скажем, наган, не попади она в сабельную портупею – не сидеть ему здесь сейчас за столом. – Нет, не такая! – еще раз повторил Судаков. – Она... – он не нашёл, что сказать, решительно встал, вновь наполнил чашку парным молоком, выпил его залпом, точно водку, и потянулся за гимнастёркой. – Как бы ни было, и что б там потом ни случилось, нельзя допустить, чтоб она пострадала!»

Милиционер застегнул ремень, вложил в кобуру наградное революционное оружие.

– Ты далеко? – окликнула его зашедшая в дом супруга. – Рань же несусветная!

– Не понимаешь – не говори! – оборвал ее Судаков. – Дела есть.

Он вышел на улицу и зашагал к Дому народной милиции – бывшему полицейскому околотку. Там в массивном, доставшемся от прежних хозяев сейфе с отбитым двуглавым орлом хранились чистые бланки паспортов.

Дежурный, увидев хмурого начальника, подскочил, едва не выронив винтовку. Но тот лишь кивнул в ответ на приветствие и прошел к себе в кабинет.

День тянулся долго. Судаков наврал жене – никаких дел у него в то утро не было, да и вообще, в сравнении с другими уездными городками, в Елчанинове царили тишь и благодать. Когда б не опаска, что где-нибудь в округе вновь объявятся банды разбойного сброда, и вовсе стоило бы сократить численность городской милиции с двенадцати человек этак до пяти.

Когда, наконец, день перевалил за середину, Судаков поглядел на трофейную луковицу часов Павла Буре и, положив в нагрудный карман два пропечатанных чистых бланка, отправился в клуб. Кружки, большинство из которых вела Таисия Матвеевна, закончили работу, а до вечернего синемаатографа оставалось часа два. Пройдя по коридору, Судаков огляделся – совсем как в былые времена, когда с дружками таскал яблоки из сада отца Георгия. В коридорах было пусто. Он толкнул дверь.

Женщина стояла у окна, сцепив за спиной руки. Начальник милиции покачал головой и чуть кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

– Простите, я задумалась, – Таисия Матвеевна повернулась, и ее лицо осветилось чуть застенчивой улыбкой.

– Таисия Матвеевна, – у Судакова перехватило дыхание. Не зная с чего начать, он вновь повторил, – Таисия Матвеевна...

– Я слушаю вас, Петр Федорович. Варвара сказала мне, что вы хотели со мной о чем-то поговорить?

– Да... – чувствуя себя, будто на уроке у доски, промямлил Судаков.

Он набрал побольше воздуха в грудь, как-то само собой расстегнул пуговку на вороте и выдохнул резко:

– Дело у меня к вам. Можно сказать, секретное. Ну, в общем, сами понимаете...

– Признаюсь честно, нет.

– Уезжать вам отсюда надо, Таисия Матвеевна.

– Куда? Для чего?

– Куда – о том мне лучше не знать, – начальник милиции вдруг почувствовал какой-то странный, неизвестный ему доселе страх.

Преодолевая сковывающее язык волнение, он продолжил:

– К вам тут вечер товарищ один приходил...

– Да, мы пили чай.

– Я знаю, – перебил Судаков. – А затем он убежал, точно вы его из самовара окатили.

– Товарищ действительно спешил, но я не понимаю, к чему вы клоните.

– Это товарищ из ГПУ. Он – клоп въедливый. Коли зацепился – ни в жизнь не отстанет.

И даже я вас тут защитить не смогу. Потому не спрашивайте ни о чем, собирайтесь с дочерью скоренько и уезжайте. Я и паспорта заготовил – какое имя скажете, такое и впишу. Только побыстрее, а то, не ровен час, вернется... Тогда все, пшик. Оно, как говорится, плетью обуха не перешибешь.

– Я вас решительно не понимаю, – глаза учительницы были наполнены страхом.

Странным образом Судаков все более ощущал, что нервная дрожь стоявшей перед ним женщины передается ему.

– А чего тут понимать? – досадуя на себя, угрюмо процедил начальник милиции. – Звать-то вас не Таисия Матвеевна, а Татьяна. Уж простите, не знаю, как по батюшке. Вас еще в девятнадцатом году опознали. Из бывших один, полковник. В Ставке служил у государя императора. Рассказывал, что с мужем вашим в академии учился. Его словам тогда я ходу не дал, да только ж и помимо меня начальство имеется. Этому товарищу из ГПУ, который у вас чай гонял, очень подозрительной ваша личность показалась. Ему в каждом, кто не из рабочих и крестьян, шпионы Антанты видятся. А ваши-то корни, прям, как у дуба – по земле стелятся, даже искать не надо.

– Что вы имеете в виду?

– А то, уважаемая... – Судаков замялся, не зная, как именовать собеседницу, – что в губернии на милицейских курсах нас учили, как по внешним признакам законспирированных врагов рабочего класса выznавать. Ну там, всякие жесты особые, манера поведения. Скажем, кавалеристы из бывших ногу на ногу кладут таким образом, будто опасаются шпорою порвать штанину.

– И что с того?

– А то, что в Смольном институте благородных девиц барышням на уроке было велено держать руки за спиной, вот совсем как вы держали, когда я вошел. Таким способом достигались сразу две цели: у девиц вырабатывалась прямая спина, а во время урока они всяких чертиков на полях не рисовали. Я понятно излагаю?

Таисия Матвеевна побледнела.

– Да вы не бойтесь. Я ж то вижу, что никакая вы не враг, а уж дочь ваша – и подавно. Отлично понимаю, что вы жизнь спасали и лишь потому таились. Но только и вы поймите – что могу, я готов для вас сделать сию минуту, а большее – уж не взыщите – не в моих силах.

– Но... – чуть шевеля губами, спросила она, – зачем вы это делаете для меня?

– Так сами подумайте, – радуясь, что не краснеет, начал Судаков, – если ГПУ вас словит, очень скоро выяснится, что я знал о том, кто вы есть на самом деле, а мер не принял.

– Вам никто не мешает их принять, – внезапно успокаиваясь и как-то внутренне распрямляясь, тихо проговорила учительница. – А кроме того, если нас с дочерью задержат с этими паспортами, то вас арестуют не за бездействие, а за помощь жене белого генерала.

– О как! – Судаков нервно сглотнул и сжал кулаки. – Так что ж вы предполагаете делать?

– Пока не знаю, – все так же твердо и без капли прежнего страха вымолвила женщина. – Как бы то ни было, спасибо вам за все.

Начало мая 1924

Профессор Дехтерев не спеша выпил содержимое стоявшего на кафедре стакана, стараясь во время этой небольшой паузы оценить реакцию членов комиссии. Шесть лет тому назад только нелепая случайность помешала добраться до Крыма, чтобы сесть на французский пароход и отплыть на родину Дидро и Вольтера – туда, где его уже ожидало место главы лаборатории клинической психиатрии Лионского университета. На станции в Белгороде у него украли саквояж. Профессор хотел заявить о краже, но сам попал в кутузку как буржуйский прихвостень. Через три недели его освободили: около города шли бои, и ему – профессору медицины – пришлось идти работать в полевой госпиталь красных. Дехтерев был уверен, что весь мир сошел с ума, что все эти латышские стрелки, комиссары в кожанках и матросы в бушлатах нараспашку – и есть лик будущей России. Ужас! Кошмар! Всадники апокалипсиса. Однако же, конец света отложился, и ангел не вострубил.

Василий Матвеевич снова руководил лабораторией, и государство было явно заинтересовано в результатах исследований. Иначе откуда бы взялся столь высокой комиссии?

Он еще раз окинул взглядом пятерых сидевших перед ним людей: «Вполне интеллигентные лица. Хорошо одеты. Не какие-то шаромыжники – достойные члены общества. Так что зря, зря пугали весь мир большевиками? Конечно, революционные бури поднимают со дна немало всякой грязи, но теперь, когда волнение улеглось...»

Он, выдержав паузу, заговорил хорошо поставленным звучным преподавательским голосом:

– Таким образом, товарищи, мы получаем возможность утверждать, что существует некое общее информационное поле. Это развивает теорию нашего великого химика Бутлерова, без малого полвека тому назад утверждавшего, что нервные токи организмов могут взаимодействовать подобно тому, как взаимодействуют электрические токи в проводниках.

Увы, пока нельзя достоверно сказать, какая часть мозга отвечает за восприятие сигналов, проходящих в этом поле, но теоретически и практически доказано, что такие сигналы распространяются и воспринимаются человеческим мозгом. Происходит это на бессознательном уровне.

Здесь непременно стоит упомянуть недавнюю работу товарища Чижевского «Физические факторы исторического процесса», в которой он, в частности, пишет: «Явления внушения – единичного и массового – могут быть объяснены путем электромагнитного возбуждения мозговых центров одного человека соответствующими центрами другого».

Каждый из вас, дорогие товарищи, вероятно, может привести не один случай подобной сверхчувственной связи. Так, скажем, мать и ее ребенок могут ощущать состояние друг друга за сотни верст. Или же, как мне рассказывали господа... простите, товарищи революционеры, опытные конспираторы чувствуют даже спиной направленный на них взгляд шпика. Все это явления одного рода – передача невербальных, то есть, бессловесных сигналов в информационное поле.

Быть может, это покажется странным, но подобные явления фиксируются не только у высших приматов, к которым относится человек, но и у существ куда менее развитых, как, например, саранча. Невозможно без удивления смотреть на сложнейшие перестроения, которые производит не руководимая никем, но подчиненная единой воле огромная туча этих насекомых.

– Так что же, профессор. Это мы, получается, навряд саранчи? Повинуемся какому-то неслышному приказу?

– В своем роде, уважаемый, в своем роде. Пока что результаты наших исследований не позволяют говорить о целенаправленной передаче таких команд. Мы еще слишком плохо представляем себе работу человеческого мозга. И, собственно говоря, это и является сутью наших исследований. Но то, что возможно уже сегодня – это... – профессор Дехтерев замаялся, подыскивая слова, понятные членам комиссии, – передача на расстояние, скажем так, простых эмоций: радость, страх, умиротворение... Представьте себе музыку. Вот вы, – профессор кивнул в сторону высокого худого мужчины с бородкой клинышком и глубоко посаженными глазами, – вы, Феликс Эдмундович, любите музыку?

– Да, очень.

– И вы не станете спорить, что звуки мелодии несут определенную эмоциональную окраску?

– Конечно. Это известно всякому.

– Вот-вот! Это, действительно, известно всякому. Но человеческое ухо воспринимает звуки в довольно скудном диапазоне. И все же, думаю, для вас не составит труда вообразить музыку, звуки которой вам не слышны, но ощущения передаются с помощью все того же единого информационного поля.

– Эх, если б его увидеть, пощупать...

– Голубчик, вы же не можете увидеть и пощупать, к примеру, магнитное поле. Однако, для вас не секрет, что оно существует.

– Климент Ефремович, – остановил следующую реплику члена комиссии Держинский, – давайте прекратим дебаты и предоставим товарищу профессору возможность закончить выступление.

Оборванный на полуслове крепыш в форме командарма обиженно насупился.

– Продолжайте, – наклонил голову председатель ОГПУ.

– Так вот, – вновь заговорил Дехтерев, – на данный момент с помощью аппаратуры, созданной ведущими инженерами нашей лаборатории, мы уже можем транслировать описанные мною сигналы на значительные расстояния – для того, чтобы снизить агрессивность и вызвать умиротворение у любого потенциального врага советской власти.

– Вот это да! – недавний оппонент докладчика хлопнул себя ладонью по голенищу сапога. – Ведь это если с помощью агентуры Коминтерна установить...

– Клим! – снова оборвал старого приятеля Держинский. – Если товарищ профессор закончил выступление, позвольте, я выскажу свое мнение, – он чуть помедлил, – согласованное с мнением руководства партии. Разработки профессора Дехтерева – вещь, как сказал бы наш дорогой Ильич, архиважная и архинеобходимая нашему молодому государству. Поэтому следует полностью, безо всяких ограничений удовлетворить финансовую заявку лаборатории и поставить вопрос о первоочередной закупке всех требуемых приборов и препаратов за рубежом. Кто «за»? Единогласно.

Члены комиссии с удовлетворением честно выполненного долга опустили руки и начали расходиться.

– Василий Матвеевич, – обратился к Дехтереву председатель ОГПУ, – давайте, я вас подвезу. Вы ведь здесь, на Сретенке, живете?

– Да ну что вы, это же совсем близко.

– Давайте-давайте! Время уже позднее. А заодно и поговорим.

Автомобиль Дзержинского проехал под аркой Боровицких ворот и, вздрагивая, помчался по брусчатке Красной площади.

– Скажите, профессор, как же вам такое в голову пришло? Все эти информационные поля, электромагнитные сигналы в мозговых клетках...

– Вы знаете, почтеннейший Феликс Эдмундович, случайно. В восемнадцатом году ехал в поезде. Сами помните – толчея, все сидят друг у друга на шее... Рядом со мной расположилась молодая дама с дочерью. Очень симпатичная, я бы даже сказал – волшебной красоты дама. Но не в этом дело. Уже за Курском на поезд напала банда. Не то что бы белые, или зеленые – просто какие-то разбойники. Совсем как на Диком Западе. Понятное дело, вокруг паника... Вдруг я увидел глаза этой женщины – увидел и ощутил ее страх. И не я один: сначала ее страх пронзил всех, кто был рядом, а потом, – Дехтерев сделал паузу, – вы не поверите, но так оно и было – страх объял бандитов! Абсолютно беспричинный! Подмоги нам ждать было неоткуда. И представьте себе, дивный случай: разбойники бросают награбленные вещи, запрыгивают в седла и скрываются в лесу!

– Воистину, – Дзержинский погладил бородку. – В прежние времена сказали бы, что господь сотворил чудо.

– Вот и я об этом. Но берусь утверждать, что никакого чуда не было. Следом за пережитым ужасом вдруг наступило не просто облегчение, а какое-то эйфорическое бурное ликование. И я уверен – оно также началось именно с нее.

– То есть, вы хотите сказать, что эта молодая особа была своего рода радиостанцией? И пассажиры воспринимали ее сигналы?

– Именно так, Феликс Эдмундович! Это неслыханно, невообразимо, но факт!

– Что же случилось с ней далее?

– Увы... Я сделал вынужденную остановку в Белгороде, они же с дочерью отправились дальше. Больше я о ее судьбе ничего не знаю.

– Куда направлялся поезд?

– В Крым. Так что, возможно, этой необычайной женщины уже и нет в России. А жаль! Было бы крайне интересно исследовать ее феномен.

– Что ж, можем проверить. Не исключено, что ваша чудесная незнакомка все-таки осталась в стране.

– Кто знает, – Дехтерев развел руками. – Пожалуй, сейчас этого уже не выяснить.

– Ну что вы, в самом деле, меня обижаете, – улынулся Феликс Эдмундович. – Конечно, если бы вы назвали ее имя, фамилию, дали мне фотопортрет, поиски заняли бы меньше времени.

– Отчего ж, извольте. Это дочь известного инженера-изобретателя Михаила Викентьевича Кречетникова – Татьяна.

– Татьяна Михайловна Кречетникова?

– А портрет... Я, знаете ли, в юности недурственно рисовал. Даже собирался поступать в Строгановку, так что, пожалуй, смог бы изобразить...

– Это очень облегчило бы поиски, – Дзержинский коснулся плеча шофера. – Приехали. А в будущем, уважаемый профессор, обращайтесь ко мне. Если вдруг появится какая-нибудь нужда – без всяких церемоний. Я распоряжусь, чтобы на Лубянке для вас был заготовлен особый пропуск.

Начало мая 1924

Датский пароход «Тихо Браге» прибыл в Ленинград.

Красноармеец смерил беглым взглядом очередного пассажира и поднял деревянную перегородку:

– Следующий!

Ему, молодому пограничнику, не внове было видеть приплывающих в Советский Союз иностранцев, и потому он без суеты, спокойно открыл паспорт заморского гостя и принялся сличать фотографию с оригиналом.

«Ничего не скажешь – похож. Скорее блондин, чем русский. Глаза синие... Настоящий скандинав».

– Шпрехен зи дойч?

– Я, я! – подтвердил иностранец на немецком и тут же перешел на вполне сносный русский. – Однако я могу говорить и по-русски.

Проверяющий с облегчением вздохнул. Конечно, пять классов гимназии давали ему немалое преимущество перед коллегами, и все же его немецкий оставлял желать лучшего.

– Ваши имя-фамилия?

– Нильс Кристенсен.

– С какой целью приехали в Советский Союз.

– Я врач, представитель Красного Креста. Вот мое удостоверение, – датчанин с улыбкой достал из внутреннего кармана безукоризненного твидового костюма небольшой документ в твердой обложке. – Занимаюсь психологическими травмами. Всякого рода военные и поствоенные шоки, истерии, нервные расстройства... Вы понимаете меня?

«Кристенсен... Кристенсен... Кажется, в Дании недавно был такой глава кабинета министров. Возможно, родственник. Ишь, какой лощеный! Нервное расстройство... Побывал бы здесь лет пяток назад – сам бы расстроился до конца дней. Ну да ладно, документы, кажется, в порядке».

Красноармеец приложил руку к фуражке:

– Добро пожаловать в Союз Советских Социалистических Республик! Успешной работы! Не забудьте, прибыв к месту прохождения вашей командировки, встать на учет в соответствующем отделе ГПУ.

Глава 5

Тот, кто знает, куда хочет идти, не уйдет далеко.
Наполеон Бонапарт

Начало мая 1924

Молодцеватый подтянутый господин с подкрученными рыжими усиками спешил к вагону, около которого стоял генерал Згурский. Мужчина был одет в штатское, но, судя по выправке, он не слишком давно сменил офицерский мундир на партикулярный костюм.

– Разрешите представиться, штаб-ротмистр, граф Комаровский! – отрапортовал встречающий.

Он сделал знак шедшему следом носильщику, и тот споро подхватил увесистый саквояж почтенного господина.

– Рад знакомству, – протянул руку Згурский.

– Авто ждет. Желаете прежде отдохнуть?

– Не будем тянуть. Сразу к делу. В поезде я и так потерял много времени. – Ваше мнение о господине Шведове? – вновь заговорил генерал, когда мотор двинулся с места.

– Боевой офицер. Мне доводилось слышать о нем еще в годы войны. Шведов был самым молодым командиром артиллерийского дивизиона императорской армии.

– Лестная характеристика. Но меня сейчас интересует другое. В конце концов, такие красные военачальники, как полковник Вацетис, Каменев, или же мой старый боевой товарищ по Мингрельским гренадерам, Шапошников, тоже были весьма дельными офицерами.

Граф Комаровский вздохнул, не в силах оспорить очевидное. Лишь на плакатах времен революции и гражданской войны красные радикально отличались от белых, и наоборот. Непредсказуемая реальность словно издевалась над расхожими мнениями. Против власти рабочих и крестьян сражались крестьянский сын Деникин, казак бурятской наружности Корнилов, а за нее шли в бой офицеры и генералы, чей дворянский род насчитывал не одно столетие. И, что хуже всего – по обе стороны воевали вчерашние боевые товарищи, те, что в прошлом делили один блиндаж, одну шинель.

– Подполковник Шведов был замешан в деле профессора Таганцева в двадцать первом году. Тогда ему инкриминировалось руководство боевой организацией в Петрограде.

– Как ему удалось уйти? – спросил Згурский.

Штаб-ротмистр кивнул, он ждал этого вопроса.

– По его утверждению, во время активных поисков его прятала жена одного крупного питерского чекиста, с которой он состоял в близких отношениях.

– Понятно. То есть, вполне может быть, что на деле никакой боевой организации и не было, что данный чекист, узнав о столь пошлом адюльтере, решил избавиться от соблазнителя, подведя его под революционный трибунал.

– Шведов и сам утверждает, что никакой боевой организации не было, что все дело вынесено из пальца. Но, по его словам, муж ни о чем таком не догадывался. Шведов и сейчас беспрепятственно воспользовался услугами этой влиятельной дамы. В первый раз подполковнику удалось незаметно перейти финскую границу у Сестрорецка, что создало ему известную славу в кругах, близких к генералу Кутепову. Но, как я уже говорил – он храбрый офицер. Побег – тем более, при таких странных обстоятельствах – смущал его самого. Он жаждал мщения и готов был участвовать в «акциях прямого действия» против руководства большевиков.

– Прежде господа революционеры стреляли в главу державы, теперь мы стреляем в господ революционеров. То же конспираторство и эсеровщина. Глупо-с.

– У них это дало плоды.

– Плоды дало совершенно иное. Всем нашим вождям стоило бы почитать труды господина Ульянова. Врага надо знать – этому учат в Академии Генерального штаба. Знать, будь то Мольтке, Бонапарт или же товарищ Ленин. Что касается последнего – его недавняя смерть повышает наши шансы на успех. Мы должны воспользоваться сумятицей, которая неизбежно возникнет при дележе наследства. Тем более, столь необъятного, как власть над Россией.

Згурский договорил эту горькую фразу и поглядел в окно, пытаясь скрыть гримасу досады. Автомобиль катил по прекрасной Праге мимо церкви святого Томаша, воздевшей, точно на параде клинки подвысь, готические башни звонниц.

– Хотелось бы знать, кто предложил уничтожить Льва Троцкого. Господин Шведов, или Кутепов с его доморощенными террористами?

– Неизвестно.

– Мне пока тоже, – негромко проговорил генерал Згурский. – А это важно. Ладно, давайте вернемся к последней акции.

– В этом деле принимали участие десять офицеров. Четверо непосредственно атаковали машину наркомвоенмора, трое – группа поручика Иордана – занимались оповещением и наблюдением. Еще трое – группа штабс-капитана Гончарова – обеспечивали безопасное отступление ударной четверки. Спланировано все было безукоризненно, но само покушение сорвалось.

– Мой дорогой граф. Если операция не удалась, значит, спланирована была бездарно.

– Рассказывать, как обстояло дело? – выждав паузу, спросил Комаровский.

– Уверен, свой героический подвиг живописует сам исполнитель, – заметил генерал. – Меня больше интересует, как так получилось, что из всей десятки спасся один лишь Шведов.

– Это не совсем так. После отступления группы разошлись, и у Шведова нет данных ни о группе прикрытия, ни о группе оповещения. Что же касается ударной четверки, то, увы, двое офицеров впоследствии были захвачены чекистами, еще один погиб в перестрелке. Шведову удалось спастись буквально чудом.

– Во всем, что относится к военному делу, чудеса требуют недвусмысленного объяснения.

– Я вижу, вы не доверяете нашему гостю?

– А следует?

Комаровский пожал плечами:

– Кстати, о чудесах. Вот поглядите – видите это здание? Называется Белая аптека. Рядом статуя льва. Говорят, время от времени около него появляется странная дама, вся в черном. Если оказаться рядом, она предсказывает судьбу.

– Белая аптека, черная дама... Предсказания судьбы, столоверчение, голоса усопших – что за бред? Постыдитесь!

– Зря вы так. Любой в Праге подтвердит мои слова.

– Я не имею ни возможности, ни желания мешать жителям этого славного города пытаться узнать судьбу таким странным образом. Но что касается нас, должен вам заметить – будущее зависит от наших собственных действий. И ни от чего другого. Чудес, кроме рукотворных, не бывает!

«...И ландыш, озаренный солнечным лучом – первым весенним лучом, полным силы и радости – вдруг ожил. Превратился в человека. В маленькую девочку с огромными глазами».

Згурский прикусил губу. Невесть отчего пришли ему в голову слова из сказки, придуманной им когда-то для юной небесной Танечки Кречетниковой. Он попытался отогнать при-

зрак былого, но тот стоял перед глазами, закрывая древний город и вытесняя в душе далекое отечество.

- Долго еще? – вздохнул генерал.
- Уже приехали.

Комната под самой крышей была скудно обставлена и еще более скудно освещена. Если бы не полная луна, виднеющаяся сквозь приоткрытое окно и раздернутые шторы, разобрать черты лица собеседника было бы почти невозможно. Комаровский поставил на стол керосиновую лампу и предложил стул «человеку из центра».

– Чем вы занимались до того, как ЧК заинтересовалась вашей особой? – холодно и резко звучал голос Згурского.

- Преподавал материальную часть артиллерии на курсах «Выстрел».
- То есть, служили красным.

– Именно так, ваше превосходительство. Если вы желаете знать, воевал ли я против своих в гражданскую войну, отвечу – нет. Не воевал. Но был у красных. Впрочем, я уже имел честь все подробнейшим образом изложить в Париже генералу Кутепову.

– Это не имеет значения. Будьте любезны отвечать на мои вопросы.

– Вы мне не доверяете?

– Вопросы веры оставим компетенции Святейшего синода.

– И все же... – щека подполковника Шведова обиженно дернулась, – это оскорбительно.

– Отнюдь нет. Это крайняя необходимость. Вы, будучи опытным боевым офицером, а не придворным шаркуном, должны понять меня. Вам дважды беспрепятственно удалось скрыться от ищеек ЧК и пересечь границу. Причем, оба раза – по вашему же утверждению – это не был подготовленный уход через «окно».

– Не совсем так, господин генерал. Во время дела Таганцева, в двадцать первом году, я действительно перешел границу на свой страх и риск. У меня была красноармейская форма, которая позволила проникнуть в приграничную зону, и загодя подготовленное командировочное удостоверение, предписывающее мне подыскать землю для артиллерийского полигона. А там, засев у реки, я дождался, пока исчезнет из виду большевистский патруль, и бросился в воду. Слава богу, в прежние годы мне доводилось встречаться с генералом Маннергеймом – его имя в Финляндии служит хорошим пропуском.

В этот раз все было по-другому. После ареста моих товарищей стало ясно, что ОГПУ – так нынче именуют ЧК – плотно взяло нас в кольцо и гонит, как волков на флажки. Я нашел убежище у своего боевого товарища – поручика Линевича, он служил красным, но только по принуждению. Его родные были взяты заложниками. К тому же он комиссован в двадцатом году после ранения, живет тихо, преподает в школе младших командиров. Я надеялся отсидеться – Линевич не принадлежит ни к каким нашим организациям, это была моя личная конспиративная квартира.

– Ближе к делу.

– Когда я уже, было, решил, что все успокоилось и можно рискнуть перейти границу, в квартиру Линевича пожаловал человек, назвавшийся Болеславом Орлинским.

– Никогда о таком не слышал.

– Это не настоящая фамилия. На самом деле – это бывший статский советник Владимир Орлов, теперь доверенное лицо самого Дзержинского. Ныне он занимает должность председателя Центральной уголовно-следственной комиссии в Петрограде или, как его теперь именуют, в Ленинграде. В восемнадцатом году по поручению генерала Алексеева этот господин пробрался в Петроград для ведения разведывательной деятельности и благодаря знакомствам устроился в Наркомат юстиции.

– Очень интересно, – кивнул Згурский, делая пометку карандашом в маленькой записной книжке. – Проверим. Что же сказал вам этот Орлов-Орлинский?

– Он сообщил, что ГПУ выследило мое убежище, и потому пришел арестовать меня до того, как это сделают чекисты.

– Для чего?

– Видите ли, пользуясь своим положением, он собрал в Петрограде большую военную организацию из бывших офицеров, нынешних краскомов армии и сотрудников милиции. Есть даже верные люди в ОГПУ. Его подчиненные совершили арест, вывезли меня и Линевича с квартиры, находившейся под наблюдением. Потом я якобы был застрелен при попытке к бегству. Ночью Орлинский с помощью верного начальника заставы переправил меня на эту сторону границы.

– Складно-складно... А где же ваш товарищ Линевич?

– Орлинский обещал позаботиться о нем.

– Н-да... – Згурский постучал карандашом по переплету записной книжки. – Предположим, вы говорите правду, хотя я в этом не убежден. Скажите мне, господин подполковник, с чего бы это вдруг законспирированному агенту такого уровня рисковать собой, чтобы спасти одного из многочисленных неудачливых боевиков генерала Кутепова?

– Орлинский спешил, – ему нужно было срочно передать информацию, имеющую чрезвычайное значение. Потому-то я и просил о встрече, притом – именно здесь, в Праге.

– Что за информация?

– Как утверждает господин статский советник, его организация – лишь филиал крупной сплоченной и вооруженной группировки бывших кадровых офицеров и генералов, находящихся в Совдепии. Эта группировка создана благодаря усилиям генерала от кавалерии Брусилова и имеет мощную опору в армии. Они ищут связь с надежными людьми в руководстве РОВС, чтобы согласовать действия и заручиться международной политической и финансовой поддержкой.

– Что ж, допустим...

– Позвольте мне продолжить, – нарушил субординацию Шведов. – По утверждению Орлинского, сам Брусиллов будет в Праге через несколько дней.

– Все?

– Да. Хотя... – Шведов замялся.

– Я вас внимательно слушаю.

– Есть одно странное, очень странное, известие. После неудачного покушения я в Москве скрывался у одной дамы, на даче видного чекиста. Прежде этот особо уполномоченный мерзавец работал в Петрограде, но сейчас его перевели в Центральный аппарат. Так вот, моя знакомая рассказала, будто ее муж сейчас усиленно занимается розысками, – подполковник сделал паузу, – великого князя Михаила Александровича – младшего брата убиенного государя императора.

– Что еще за блажь? – Згурский нахмурился. – Великий князь Михаил Александрович убит большевиками в восемнадцатом году в Перми.

Шведов утвердительно кивнул:

– Газеты тогда сообщали, что он и его секретарь Джонсон бежали. Но потом выяснилось, что его императорское высочество был похищен из квартиры членами пермского ревкома и расстрелян где-то за городом. Но останков тогда найти не удалось. А сейчас ОГПУ сбилось с ног, разыскивая великого князя, казненного шесть лет назад.

Начало мая 1924

До отправления московского поезда оставалось четыре с половиной часа. Нильс Кристенсен постоял у билетной кассы, с грустью поглядел на дверь с надписью «Управление ГПУ по железной дороге». Судя по росписям в стиле модерн и серебристым чашкам, изображенным на стекле, прежде здесь находился вокзальный буфет.

«Уйма времени», – подумал сотрудник Красного Креста и вышел на Невский проспект. Впрочем, теперь прорубленная самолично императором Петром Невская перспектива носила звучное, но диковатое для ушей иностранца название «Имени Двадцать пятого октября».

– Подвезти, гражданин-товарищ-барин? – тут же сунулся к потенциальному клиенту бойкий извозчик. – Дешево. По городу не больше трех целковых!

Кристенсен отрицательно покачал головой. Ехать было некуда. Он неспеша двинулся по знаменитому проспекту в сторону Зимнего дворца.

«Интересно, следят или нет? – крутилось в голове институтского оперативника. – Вероятно, следят».

Он остановился возле сверкающей витрины шляпного магазина. Огромное количество головных уборов красовалось за стеклом. Но сейчас виконта интересовали не «последние фасоны всего мира» и даже не самая популярная модель сезона – алая фуражка с маленькой звездочкой, именуемая «красногусарская». Отраженные в витрине прохожие шли мимо. Некоторые, особенно совбарышни, в простеньких, но уже подогнанных и не лишенных элегантности платьях, на миг останавливались, с печалью глядели на шляпки «из Парижа» и торопились дальше.

«Кажется, никого, – с удивлением отметил Нильс. – Но, может быть, ловко маскируются». Он отошел к афишной тумбе.

«Кинотеатр „Паризиана“, – гласила самая большая афиша. – Проспект 25 октября, Одновременно 1 и 2 серии – 13 частей, исключительного, захватывающе-интересного фантастического кино-романа „Невеста Солнца“ в 4-х сериях, 25 частях с участием королевы американского экрана, бесстрашной Руфь Ролан».

«„Совзепкино“ – „Микроб коммунизма“», – обещала другая.

«Фильм Григория Козинцева и Леонида Трауберга „Похождения Октябрины“», – заманивала третья.

Виконт прислушался к своим ощущениям: филеров заметно не было, и все же чувство, будто кто-то его внимательно разглядывает, Нильса не оставляло.

«Ладно, пусть наблюдают, черт бы их побрал! – про себя выругался виконт. – Мне пока скрывать нечего».

Он отправился дальше, ища глазами вывеску ближайшего кафе или ресторана.

– Гражданин, гражданин! Помогите! – в рукав его костюма вцепилась абордажными крючьями тонкая девичья ручка. – Там хулиганы! Моя сестра... Пожалуйста, пожалуйста скорее! Помогите!

Девочка-подросток лет пятнадцати, размазывая по щекам слезы, с неожиданной силой буксиром поволокла Нильса в ближайшую подворотню.

Он попытался освободить руку, но девица вновь схватила его и умоляюще взвыла:

– Давайте же, давайте! Скорее!

Когда за спиной гроыхнула, закрываясь, калитка массивных кованых ворот, виконт резко повернулся, спеша оценить ситуацию. Дитина совершенно не аристократической наружности стоял, привалившись к калитке, поигрывая цепью с пристегнутым к ней амбарным замком.

– Ну что, господин хороший? Приплыл?

Из-за дровяного сарая на заморского гостя вразвалочку надвигались еще два социально близких пролетариату элемента. – Скидавай шкары, фря залетная!

В руке налетчика блеснул нож.

– А то ведь, гляди, сегодня уже с прадедом своим почеломкаешься! – говоривший сплюнул окурочок и сопроводил недоброе пророчество выразительным жестом, проводя острием ножа поперек шеи.

Не вступая в дискуссии, Нильс Кристенсен шагнул вперед, перехватил запястье вооруженной руки и крутанул его, точно собираясь запустить пропеллер самолета. Бандит не самолет, но и его развернуло. В тот же миг вторая рука «врача-травмопевца» обрушилась на затылок преступника, направляя любителя чужого добра лбом в каменную стену.

– Ах ты... – соратник пострадавшего кинулся было на помощь, но тут же рухнул с вбитым в горло кадыком.

Предусмотрительно отскочившая к сараю девчонка завизжала так, что в окнах нижних этажей вздрогнули герани, а дылда, подпиривший калитку, отбросил цепь и собрался выскочить на улицу. Но не успел.

– Всем стоять!

Подворотня заполнилась людьми в милицейской форме и с наганами в руках.

Виконт поднял руки:

– Не стреляйте! Я датчанин, врач, сотрудник Красного креста!

Декабрь 1614

Князь Пожарский любил Рождество. В прежние годы его всегда радовали шумные пиры, катания на тройках и колокольный благовест, разносящийся над отчим поместьем Медведково. В Москве, где взгляд, куда ни кинь, упирался в колокольню, малиновый звон был особенно густ и сладостен. И сюда он долетал во всей красе и благолепии. Царившее вокруг радостное возбуждение напоминало князю о годах юности, о молодых забавах еще до того, как его – храброго воеводу со всеми чадами и домочадцами – обездолили и сослали к волжским берегам. Безо всякой вины. Так лишь, для покоя государя Иоанна Грозного.

Многое тогда передумалось князю. Много обид сжалось в кулаке, да растоптано было сапогом. В укор немалому числу князей и бояр, не пошел он с поклоном ни к первому Лжедмитрию, ни к Тушинскому вору, да и теперь службу Отечеству ставил превыше службы государю. А дел было и по Разбойному приказу, и по долгу воеводскому – лопатой не разгрести. Куда уж тут мчать с хохотом на горячих скакунах, пролагая след по свежеснеженному снегу, торя санный путь по московским улицам...

Князь Пожарский стоял на резном крыльце своего терема над Яузой-рекой и слушал, как доносится из-за ворот громкий девичий смех и раскаты величальной песни.

– Батюшка Дмитрий Михалыч! – княжий тиун, управляющий сим немалым хозяйством с давних давен, поспешил к господину, кланяясь ему в пояс. – Лях с девкой приехали!

– Какой еще лях!

– Ну, тот, которого у Сретенских ворот вешать хотели, да молния дерево пожгла.

– Федор, что ли? Ай да молодец! Ай да хват! Так что ты стоишь? Зови в светлицу, да распорядись об угощениях для дорогих гостей!

Згурский переступил порог горницы и поклонился хозяину. Молодая женщина, шедшая рядом с ним, по заграничному чуть присела, приветствуя князя.

– Успел, стало быть, ловкач? – Пожарский ухарски разгладил усы.

– Позвольте вам представить, мой князь, Тереза Елень, вдова графа Збигнева Елень.

– Так, выходит, не успел, – Дмитрий Михалыч нахмурился.

– Успел, – не меняясь в лице, произнес Францишек. – Я прибыл на родину и узнал, что Терезу, ровно как и всю семью ее, графские слуги увезли в маеток Еленей близ Киева. Я примчался туда, пришел к графу, умоляя отпустить со мной Терезу и обещая выходом¹² за нее все наследные земли, принадлежащие мне по праву. Граф велел своим гайдукам избить меня палками. Я не стал дожидаться и, свернув пару челюстей, покинул имение. Збигнев Елень решил, что избавился от меня, и приказал готовиться к свадьбе. Тереза не соглашалась, но граф угрожал лишить жизни ее мать и младшую сестру...

– Понятно, – князь Пожарский сгреб бороду в кулак.

– В день свадьбы у входа в храм я ждал процессию. Верхом на коне. Видит бог, я не хотел обогреть кровью ступени церкви, но граф и его люди обнажили сабли именно там.

– Погубил, выходит, души христианские?

– Я не дьявол, души губить не могу. А тела посек.

– Великий грех, – укоризненно покачал головой Пожарский.

– За грехи пред Богом ответ дам. Все же прочие... – Францишек поглядел на девушку.

Из-под ее меховой шапки выбивались рыжие локоны, огромные зеленые глаза глядели влюбленно и счастливо. – Мнение всех прочих мне не важно.

– Крутехонек ты, Федор. Так и самому на белом свете не зажиться. Ладно, чего уж, Люблю храбреца, хоть ты в делах меры не ведаешь! – махнул рукой князь. – Выделю именице вам. Вон, хотя бы у тех же Сретенских ворот, – и усмехнулся. – Отстроишь себе терем, да и будешь заветный дуб, молнией расколотый, всякое утро из окна видеть, дабы мысль о смиренности божьем в голове твоей шальной пребывала, да память о дне знакомства нашего не угасла.

– Благодарствую, княже, – Згурский поклонился. – И у меня для тебя подарок имеется...

– он чуть помедлил. – За добро добром плачу.

Благодарный шляхтич расстегнул кунтуш, достал толстый, опечатанный красным воском пакет.

– Что здесь? – взвешивая на ладони презент, спросил Пожарский.

– Это точные списки с посланий Тушинского патриарха Филарета, отца нынешнего царя Михаила, в Москву – князьям Черкасским, Сицским и прочим братичам и родичам. С указкой, что и как делать, что говорить, да предпринимать, дабы юного Михайлу царем сделать. Письма эти еще в Кракове перехватили, да снявши копии, в Москву отправили. Списками же теми, хранением их, королевский секретарь заведует – мой дядя. Он-то мне весь пакет и передал. Когда захочешь, князь, здесь полное доказательство того, что избрание Михаила на царствие – подлог, и силы не имеет.

Пожарский грустно поглядел на боевого товарища:

– Эх, Францишек, Францишек! Мне ли о том не знать... Мне ли не ведать, что грамота Земского собора об избрании Михаила Романова государем Всея Руси дьяками, как с прописи, переложена с Годуновской грамоты. До смешного порой доходило. Повествование об избрании Бориса на Новодевичьем поле борзописцы филаретовы перенесли под стены Ипатьевского монастыря, во всем же ином ни слова не изменив. Получше всякого мне ведомо, что брак, которым Иоанн Грозный с Романовой сочетался, матерью нашей, церковь признан не был и быть не мог. Да только, – Пожарский махнул рукой, – пустое это.

– Отчего же? – непонимающе глядел на него Згурский.

– Сам подумай, Францишек. После долгих лет смуты, наконец, на российском престоле покойно сидит царь. Летами молодой и нравом не буйный. Много еще чего для Руси полезного сделать сможет. Царя того освятил какой ни есть, а патриарх святейшей нашей церкви православной. Ни для кого не тайна, что Романовы не Рюрикова рода, как, скажем, я, да и многие другие князья. Но ведь, ежели начнем мы меж собой бородами меряться, кто славнее, чинней

¹² Выход – выкуп, дань.

и богаче, вновь по Руси распря начнется, вновь кровь русская реки заполнит. Вот ты предлагаешь мне пакет сей открыть да с ним Михайла с престола и скинуть. Не велика натуга. Да ведь без него лучше не станет. Что есть царь? Закон Божий, в особе царской воплощенный. А ежели каждый себя законом возомнит, то и будет прав тот, у кого сабля острей. Кумекаешь, о чем говорю?

– Да, мой князь.

– То-то же.

Пожарский провел указательным пальцем по гладкому пергаменту, в который были для сохранности завернуты письма.

– По сути, Федор, обрета нынче от тебя грамотки сии, я бы должен был тебя, лиходея, в острог посадить. Сам размысли. Кому теперь выгодно на Руси новую смуту устраивать? Не королю ли Владиславу, который и без того войной на Москву идти желает?

– Верно, – пристыжено опустил глаза Згурский. – Не подумал о том.

– А след было подумать. Ну, да все одно, – князь Пожарский неторопливо подошел к печи и приоткрыл заслонку. – Хорошо, что послания эти нынче здесь обретаются. Иных списков, поди, нет?

– Нет. Другие снимать без надобности было.

– Вот и славно, – улыбнулся Дмитрий Михайлович. – А этим змеям ядовитым, – он подкинул в руке пакет, – в геенне огненной самое место.

Бросил опасный подарок в огонь и поворошил кочергой, разгребая жар:

– Там им и быть.

Глава 6

«Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы».
И.В.Сталин

Май 1924

Окружной комиссар Рошаль шел по набережной Орфевр, сосредоточенно глядя на мутные воды Сены. От ржавой и едва подкрашенной баржи, переделанной под жилье, неслись звуки патефона. Нежный женский голос выводил: «Заснесло тебя снегом, Россия...» Мсье Рошаль не знал русского языка, но песня звучала грустно, выжимая слезу даже у него – выдавшего вида полицейского, бывшего офицера свирепых марокканских стрелков.

Тогда, в годы войны, шесть лет назад, ему впервые довелось близко столкнуться с русскими. После революции в Петрограде части Особого корпуса были сняты с фронта и во избежание неприятностей разоружены. Такой бесславный для солдата исход являлся бы предметом мечтаний для многих французов: пусть лагерь, огороженный забором, пусть кормежка не ахти, но – подальше от фронта! Эти были не таковы – тысячами они записывались в «Русский Легион», позднее за безумную храбрость названный «Русским Легионом Чести». Отвага «славянских варваров» приводила в восхищение даже признанных храбрецов Марокканской ударной дивизии, в которую были влиты русские волонтеры. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет, и ему – капитану Рошалю – придется расследовать дело, главным подозреваемым в котором окажется командир «Русского Легиона Чести» – генерал Згурский.

Память услужливо подбросила комиссару яркий образ: безнадежный идиотский прорыв Невеля, высота Мон-Спен; немецкие гаубицы, подобно стае мифических драконов, топят в огне едва оттаявшую от снега округу. Его взвод, рванувшийся в бессмысленную атаку, прижат к земле пулеметным огнем. Боши¹³, которым, согласно планам французского командования, уже следовало давать отчет святому Петру, как тараканы вылезли из нор и принялись на выбор, словно в тире, расстреливать атакующих. Рошаль и не надеялся уже выйти живым из этого боя, когда вдруг пулеметы смолкли, и над головой вжавшегося в землю молодого офицера послышалось конское ржание. Он поднял глаза – бородач в странной длиннополой одежде, с диковинным подобием небольших патронташей на груди, размахивая саблей, гарцевал под огнем на вороном коне, яростно крича по-русски слова команды. Под серебряными головками патронов сверкал белый орденский крестик.

Сумасшедший всадник перемахнул через поваленное артиллерийским огнем проволочное ограждение, и солдаты в застиранной бледно-зеленой форме с криком «Ура!» в штыки устремились за ним на позиции гаубичной батареи. Рошаль так и не понял тогда, откуда в немецких окопах первой линии взялись русские. Он видел только, как они выскакивали на бруствер с длинными окровавленными ножами в руках и револьверами за поясом.

Чуть позже, когда высота была взята, а затем снова отбита немцами, когда наступление было остановлено и генерал Невель снят со своей должности, только привыкающий к капитанскому званию Рошаль узнал из газет, что фамилия лихого наездника – Згурский, что его странный наряд именуется черкесской, и теперь неистовый генераль ля рус является офицером Почетного Легиона. Лицо Згурского не сходило в те дни с газетных страниц. Наступление, планировавшееся как решительный удар по врагу, закончилось бесславным провалом, Франции требовалась если не победа, то хотя бы герои. И вот, надо же...

¹³ Боши – французское презрительное прозвище немцев.

«Скажи, о чем задумался. Скажи нам, атаман...» несло с баржи, мерно покачивавшейся на мелкой речной волне.

«Красиво поет, – Рошаль оперся локтями о высокий каменный парапет. – Понять бы слова».

Комиссар сам не знал, почему стоит и слушает непонятную песню. Ему казалось, что она какими-то тайными нитями связана с разгадкой порученного ему дела.

Исчезновение столь заметной фигуры, как русский миллионер Рафаилов, привело все парижское общество в нервное возбуждение. Еще бы: людей, которые могли похвастаться состоянием, превышающим двадцать миллионов золотых франков, в Париже и в прежние времена было не так уж много. Теперь же, после ужасной войны их и вовсе можно было пересчитать по пальцам. Рафаилов, как говорили американцы, стоил двадцать четыре миллиона.

Когда слуга-китаец известного всей Франции банкира и биржевого воротилы позвонил в полицию и сообщил, что его хозяин уехал накануне к нотариусу и до сей поры не вернулся, разомлевший от жары дежурный, не желая вслушиваться в исковерканную речь, посоветовал искать Рафаилова где-нибудь в борделе. Только в три часа следующего дня известие о пропаже легло на стол районного комиссара, и лишь тогда для порядка тот решил уточнить, вернулся ли мсье Рафаилов домой.

Скандал вышел грандиозный, и теперь окружной комиссар Рошаль должен был вынуть русского миллионера хоть из-под земли, а заодно выяснить, каким образом он там оказался. Из сбивчивых объяснений китаец-слуги удалось разузнать немного. К мсье Рафаилову в тот день приезжал генерал Згурский, они долго беседовали и, как показалось камердинеру, приносившему чай, – не слишком дружелюбно. После чего генерал ушел, а через некоторое время банкир решил поехать к своему нотариусу. Китаец, бывший у Рафаилова кем-то вроде телохранителя, отправился с ним. Однако нотариуса дома не оказалось, и на обратном пути пожилой миллионер ни с того, ни с сего решил прогуляться по городу без охраны. С тех пор о нем ничего не было слышно.

Слова китаец подтверждал и нотариус. Во время визита Рафаилова он находился в «Гранд-опера», что могло засвидетельствовать множество достойных членов общества. История получалась странная: отчего бы вдруг такому денежному мешку разгуливать без охраны? Отчего финансист отправился к своему нотариусу, предварительно не предупредив звонком? Отчего этот визит не значился в ежедневных записях банкира? Следовало допросить Згурского – быть может, только он способен пролить свет на странности этого дела.

Комиссар Рошаль вздохнул: менее всего ему хотелось допрашивать своего, пусть и невольного, спасителя. И уж тем более – подозревать его в похищении или убийстве соотечественника. Да и к чему бы ему идти на преступление? Мсье Згурский и сам богат, уважаем. «А если тут замешана женщина? – бывший марокканский стрелок покачал головой, отгоняя нелепую мысль. – Командир «Русского Легиона Чести» не ходил в светских львах, и ни одной сколь-нибудь заметной любовной истории за ним не водилось.

«Раз приехал на квартиру генерал. Весь изранен был и жалобно стонал...» – выводил все тот же нежный голос.

– Не желает ли мсье куда-нибудь поехать? – донеслось из-за спины.

Рошаль повернулся. У тротуара стояло желтое такси с приоткрытой дверцей. Судя по выговору, спрашивающий, в отличие от окружного комиссара, без труда понимал слова песни, доносившейся с баржи.

– Да, – Рошаль отошел от парапета. – Для начала на Елисейские поля, особняк Пти-Буйон.

– Дом господина Рафаилова?

– Я вижу, вы прекрасно осведомлены, – улыбнулся сыщик.

– Кто в Париже его не знает? – русский шофер пожал плечами. – Пять франков.

– И то верно, – садясь в машину, согласился комиссар. – А скажите, уважаемый, быть может, вы и о генерале Згурском слышали?

– Слышал. Хотя лично не знаком.

– Что вам о нем известно?

Водитель покосился на любознательного пассажира:

– Вы – журналист или полицейский?

– Полицейский, – комиссар достал удостоверение.

– Ну конечно, – почему-то хмыкнул его собеседник. – Я почти ничего не знаю. Слышал, как Згурский еще в России боролся с самострелами. Это когда солдат палец себе отстрелит или ягодицу продырявит – его потом в госпиталь, а то и вовсе комиссуют.

– Да, знакомая история, – кивнул Рошаль.

– Ну да. Так вот. Таких ловкачей Згурский в тыл не отправлял. Он сам их перевязывал, варил им какие-то диковинные снадобья, а затем выставлял их на бруствере окопа, да так, чтобы со стороны казалось, будто это наблюдатель рассматривает вражеские позиции. Ясное дело, очень скоро по «наблюдателю» открывали огонь. Некоторые выживали, некоторые – нет. Но огневые точки всякий раз удавалось засечь точнейшим образом. Очень скоро в полку Згурского перевелись желающие играть в такие игры.

– Жестокий метод, но эффективный. А что за снадобья? Они как-то влияли на волю солдат? Устраняли страх?

– Да кто их разберет, – водитель аккуратно повернул баранку. – Згурский рецепты из Китая привез.

– Он что же, служил в Китае?

– Шутите? Да рота Згурского в девятисотом году первой ворвалась в ворота Пекина!

Начало мая 1924

Свой путь в революцию Василь Гуцуляка начал в тысяча девятьсот шестом году, когда семнадцатилетним приказчиком в магазине готового платья братьев Штирнер в родном Каменце-Подольском взломал кассу и попытался улизнуть с деньгами. В округе было неспокойно. То и дело в окрестностях города, да и в нем самом появлялись группы таинственных экспроприаторов. Они налетали с наганами и браунингами в руках на банковские и почтовые конторы, на приличные магазины, и исчезали с изъятой наличностью задолго до прихода полиции.

Василь Гуцуляка решил, что ограбление спишут на этих самых наследников Устима Кармелюка,¹⁴ и все обойдется. Для пушей достоверности Василь устроил в магазине разгром, разбил витринное стекло, да вот незадача – порезался осколком. По следам крови похитителя-самоучку обнаружили уже утром. И отправился бедолага махать кайлом в Нерчинск. Там-то и нашлись добрые люди, разъяснившие, что грабеж, по сути, вовсе не грабеж, а стихийный протест против несправедливого распределения капитала и угнетения человека человеком. И стал Василь Гуцуляка идейным революционером – членом Российской социал-демократической рабочей партии большевиков – с тысяча девятьсот седьмого года.

В революционном порыве, стараясь походить на своего первого учителя социалистических истин, Иосифа Каца, отбросил он никчемную часть отцовской фамилии и стал именоваться гордо, по-боевому – Василий Гуц. Вихри семнадцатого года закружили его, сделали комиссаром рабочей дивизии, но та была разгромлена в пух и прах, а целый полк ее, наплевав на его увещевания, с оружием и артиллерией перешел к Деникину. Чудом спасшийся Васи-

¹⁴ Устим Кармелюк – известный украинский разбойник, герой народных легенд, бежал из заключения в Каменец-Подольском.

лий Гуц едва не попал под революционный трибунал. Помогли репутация старого большевика и потребность зарождающейся Красной Армии в надежных кадрах, полных пролетарской ненависти к угнетателям. Василий Гуц возглавил уездную, а затем и волостную Чрезвычайную комиссию и теперь высоко нес звание особоуполномоченного ГПУ.

В то утро высоко нести звание удавалось с большим трудом – оно давило на похмельную голову, клещами сжимало виски и колом стояло в горле. Едва ответив на приветствие спешащих по делам подчиненных, Василий Гуц прошествовал в кабинет, любовно поправил дорогой подарок московских товарищей – портрет Ильича, и, усевшись за стол, собрался работать с корреспонденцией. Разложив пакеты в три ряда, он стал тыкать в них пальцами, шепча под нос детскую считалку – решая, с какого начать. Это действие у руководителя волостного ГПУ стало своего рода ритуалом.

Палец остановился, Гуц перевернул конверт:

– Ого! Из Москвы! С самой что ни на есть Лубянки!

Давненько, давненько не получал он писем аж с верха. Аккуратно, точно и сам конверт мог содержать ценную информацию, вскрыв пакет, гэдэушник углубился в чтение.

«... Приказываю предпринять самые решительные и скорые меры по установлению места жительства и личности Згурской, в девичестве Кречетниковой, Татьяны Михайловны».

Старый чекист торопливо, но внимательно прочитал возраст и приметы особы, умудрившейся заинтересовать высокое руководство.

«Так-так», – у него екнуло сердце.

«... см. Вложение 1», – гласила краткая, но красноречивая надпись в графе «Внешние данные».

Гуц вновь полез в конверт и достал отпечатанный типографским способом лист с карандашным портретом.

– Так-так, – повторил он. – Вон оно, значит, что!..

С «картины неизвестного мастера» на гэдэушника внимательно и печально смотрели знакомые глаза.

– Таисия Матвеевна, на деле, получается, Згурская Татьяна Михайловна. Уж не жена ли тому Згурскому, который при Деникине наших из Камышина выбил?

Он открыл ящик стола, достал массивный золотой портсигар с гербом под княжеской короной. Уже в который раз начальник ГПУ собирался бросить курить, но только принимал он решение, случалось что-нибудь такое, что без папиросы не обойтись никак.

«Что же теперь следует предпринять? – думал он, разминая в пальцах довоенный еще «Дукат», реквизированный на одном из ээпманских складов. – В приказе ясно сказано: «Установить местонахождение, задержать и препроводить в Москву». Но ведь она ж ведьма! Как ее удержишь? Разве только спящей взять? Руки связать, рот заткнуть, на голову мешок – чтоб ничего сделать не смогла... Так, стало быть, и поступим».

«... При задержании не причинять никаких неудобств».

«Ишь ты! Хорошо им писать «не причинять». А как же нет, когда оно так? Ничего, авось товарищ Дзержинский простит... В конце-концов, бить и увечить не будем, а это уж, извините, барышня, не по злобе, а из ситуации исторического момента и из суровости революционного времени. Щас надо будет перезвонить Судакову, чтоб не спускал с нее глаз... – гэдэушник осекся. – Нет, Судакову звонить не надо. Он по линии этой особы слаб, – она его, как есть, околдовала. Ишь, как он радовался, когда я вернулся, не солоно хлебавши!»

При воспоминании о вчерашней ночи у Василия болезненно сжало виски.

«Судакова в известность ставить нельзя. Ненадежен! Сам поеду!»

Май 1924

Болеслав Орлинский стоял в окне и глядел, как по Гороховой под звук фанфар марширует оркестр Электротехнической школы. Над колонной реяли художественные флаги – высокий знак победы на конкурсе военно-духовых оркестров. Теперь по музыке можно было сверять время – ровно в четыре, когда заканчивались лекции, курсанты проходили маршем, радуя ленинградцев бравурными мелодиями.

Когда-то ему, уроженцу Варшавы, потомственному дворянину Владимиру Орлову, до одури хотелось перебраться в столицу империи, стать тайным советником и, кто знает, может быть, даже сделать карьеру при дворе. Лет десять назад казалось, что все складывается как нельзя лучше. Гражданский чин его – статский советник – приравнивался к полковничьему, начальство было им весьма довольно, и перспективы открывались самые радужные. Когда б не война, когда б не революция...

В смутные дни марта семнадцатого года он прибыл в Петроград с рекомендательным письмом к начальнику российской контрразведки Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Письмо было от генерала Алексева, недавнего начальника штаба Верховного главнокомандующего. Окажись оно, как и документы на имя польского коммуниста Болеслава Орлинского, в руках большевиков в иных обстоятельствах – поставили бы Владимира Орлова к стенке и расстреляли по закону революционного времени. Но счастье было на стороне отважных. В суете, царившей первые месяцы в Петрограде, Михаил Дмитриевич отослал бывшего статского советника с новым рекомендательным письмом к своему брату – видному большевику. У того не было времени разбираться, и он отправил товарища Орлинского, как большого специалиста в области криминалистики, работать председателем Уголовно-следственной комиссии Петрограда.

Однажды, когда Болеслав Орлинский уже чувствовал себя вполне комфортно в новом кабинете, дверь широко распахнулась, и быстрым шагом вошел высокий худощавый мужчина с бородкой клинышком.

– Владимир, – вошедший энергично протянул руку. – Рад тебя видеть. Во дворе заметил тебя мельком, решил проверить, – не ошибся ли. Это прекрасно, что ты на нашей стороне.

Орлов, ни жив, ни мертв, пожал руку. Перед ним стоял лично глава Всероссийской Чрезвычайной комиссии, а заодно и знакомец по гимназии – Феликс Дзержинский. За спиной «железного Феликса» маячили фигуры чекистов с маузерами на боку.

«Сейчас он спросит, почему вдруг я превратился из Владимира Орлова в Болеслава Орлинского, и вся радость улетучится в один момент», – промелькнуло в голове статского советника.

Но этот нюанс отчего-то не заинтересовал пламенного наркома. При том, что всего несколько лет назад революционер Дзержинский и следователь прокуратуры Орлов уже встречались вот так же – через стол. В Варшаве, при весьма неприятной для Феликса ситуации. Впрочем, и тогда они не расстались врагами. Орлов понимал его мотивы и даже в чем-то сочувствовал. Последней фразой, сказанной в тот раз, была: «Надеюсь встретиться при совсем других обстоятельствах». Надежда оправдалась. Старое знакомство возобновилось, и теперь член польской социал-демократической рабочей партии Орлинский, приезжая в Москву, останавливался в номере «железного» Феликса в «Национале», как у себя дома. И все же ему было беспокойно – он ощущал собачьим верхним чутьем, что рано или поздно революционный угар закончится, и новые товарищи без колебаний пустят его в расход. Он все чаще подумывал о том, что пора исчезнуть из Совдепии. Уехать, ну скажем, в ту же Варшаву. Но уйти надо не пустым, – нужны бумаги, сведения, архив, за который на Западе готовы будут заплатить.

– Болеслав Янович, – раздалось за спиной, – как вы распорядились, задержанного привели.

– Датчанина?

– Так точно.

– Пусть войдет.

Орлинский вернулся к столу, поправил малахитовое пресс-папье, достал из кармана френча золотое вечное перо и взял из стопки чистый лист бумаги.

Посетитель безо всякого стеснения прошел через кабинет и уселся на стул перед столом.

«Явный скандинав», – оценивая внешность невольного гостя, подумал Орлинский.

– Гутен таг, – поприветствовал вошедшего начальник Уголовно-следственной комиссии. – Прошу вас назвать ваше имя, адрес и цель прибытия в Ленинград.

– Нильс Кристенсен, – четко ответил скандинав. – Я датчанин, проживаю в Копенгагене. Мой адрес вряд ли вам чем-то поможет. В Россию прибыл по делам Красного Креста. Вот, пожалуйста.

– Красивый документ, – Орлинский углубился в чтение разложенного перед ним дела. – Вы говорите по-русски?

– Да, – спокойно ответил Кристенсен. – Я полиглот, знаю много языков.

– Мне известен смысл этого слова, – не отрываясь от кривоватых строк протокола, кивнул Орлинский. – Кристенсен... Кристенсен. Знакомая фамилия.

– Мой двоюродный дядя не так давно был главой совета министров Дании.

– А, ну конечно.

«Интересная фигура, – исподтишка разглядывая скандинава, думал Орлинский. – Такой, если захочет, легко может вывезти из страны хоть пуд бумаг. Надо его как-то подцепить. Судя по самоуверенному виду – аристократ, чистоплюй и просто так мараться с контрабандой не станет».

– Да-а... – откидываясь в кресле, протянул Орлов. – В пренеприятнейшую историю вы попали, герр Кристенсен. Вот заявление, написанное со слов гражданки Клавдии Суконкиной, шестнадцати лет. Что вы хотели принудить ее к развратным действиям и для того насильно потащили в подворотню. Гражданка Суконкина утверждает, что шедшие через проходной двор незнакомые ей мужчины попытались вступить за нее, но вы, применяя японское жиу-джицу, нанесли двоим ее защитникам травмы. Кстати, довольно тяжелые.

– Это было не джиу-джицу, и вообще, все обстояло не так.

– Да я-то знаю, уважаемый гражданин Кристенсен. И Суконкина эта прежде у нас по разным делам проходила. Проститутка, карманница, приманка – вот как в вашем случае. Но бумага есть бумага. Гражданка Суконкина имеет все права, которые революция даровала простому человеку, в том числе и на защиту со стороны Народного комиссариата внутренних дел, который я здесь представляю. У нее, видите ли, есть как минимум один свидетель, который точно подтвердит, что вы заволокли ее в подворотню и пытались изнасиловать. А потом напали на троих мирных тружеников и зверски их избили.

– Я полагаю, что этот фарс подстроен ОГПУ, является недружественным шагом к организации Красного Креста и ко мне лично, как к человеку близкому к датским правительственным кругам. Я непременно подам жалобу. Этот вопиющий случай немало осложнит и без того непростые дипломатические отношения между Данией и Советским Союзом.

– Ну что вы – так сразу и жалобу, – Орлов благодушно улыбнулся. – Я к вам со всей душой, камня за пазухой не держу. Просто рассказываю суть дела, стараюсь помочь. Всякому ясно, что Суконкина, шалава мелкая, клеветает на вас. Но ведь «ясно» к делу не подошьешь. Придется с ней отдельно поработать, чтобы отказалась от своего оговора. А на это время нужно. Такая вот история, уважаемый герр Кристенсен. А потому придется с вас взять подписку о невыезде, как то ни прискорбно.

– Но у меня нет времени для этого. Я приехал сюда не отдыхать!

– Я понимаю. И тем не менее. Могу предложить вам хорошую квартиру для съема. В гостиницах, знаете ли, слишком много чрезмерно бдительных глаз – всякого иностранца считают шпионом. А я, в свою очередь, из дружеского к вам расположения, постараюсь закрыть дело как можно быстрее. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Сколько? – произнес сотрудник Красного Креста.

– О нет-нет! И речи быть не может! – Орлинский выставил перед собой руки. – Ну что вы! Это просто обычная помощь одного интеллигентного человека другому. Вот адресок, давайте я вам подпишу пропуск...

В дверь кабинета постучали.

– Болеслав Янович, – в кабинет вошел секретарь. – К вам тут посетитель. Вне списка.

– Кто таков?

– Прежде у нас служил, – секретарь начал читать по бумаге. – В гражданскую войну – адъютант Первого образцового полка крестьянской бедноты, потом был милиционером, агентом уголовного розыска, по здоровью комиссован...

– И что ему сейчас нужно?

– Собирает бумаги для пенсии. Ему назначать ее не хотят.

– Почему вдруг?

– Так он из бывших.

– То есть?

– Штабс-капитан, после Февральской революции был комиссаром Главпочтамта. Временному, значит, служил. Оттого и не дают. Вот он и собирает характеристики – что, значит, не враг трудового народа.

– Понятно. Ладно, зови. Да, постой. Сейчас-то он чем занимается?

– Литератор.

– А-а, ну давай. Пусть входит.

Орлинский повернулся к задержанному:

– Надеюсь, скоро мы встретимся вновь – уже не в этих стенах, – он протянул датчанину пропуск.

Тот быстрым шагом направился к выходу.

Дверь отворилась, и навстречу Нильсу Кристенсену вошел болезненного вида сухощавый мужчина с тонким, довольно красивым, смуглым лицом.

– Позвольте отрекомендоваться, – начал новый гость. – Михаил Михайлович Зоценко.

Он повернул голову в сторону Нильса, и глаза его заметно расширились.

– Господи, Сергей Владиславович, вы ли это?

Глава 7

«Либо добро должно быть с кулаками, либо с протянутой рукой».
Борис Крутиер

Май 1924

Штаб-ротмистр граф Евгений Комаровский был прекрасным офицером. Лихой александровский гусар – он успел послужить и в родном воронежском кадетском корпусе, и в строю, и адъютантом генерала Корнилова. Флер героизма, окружавший всех участников «Ледяного» похода, сопутствовал и ему, добавляя к вполне заслуженному авторитету храброго человека отсвет славы первого командующего Добровольческой армией. Пройдя всю гражданскую войну, Комаровский прекрасно мог оценить и героическое самопожертвование фронта, и гнуснейший разброд тыла, одинаково свойственные белому движению.

Эвакуированный в Галлиполи, он вместе со всеми пух от голода в предоставленном союзниками лагере для перемещенных лиц. По иронии судьбы помогло ему выжить несчастье, случившееся в семье незадолго до начала великой войны. Тогда в Венеции в собственной квартире был застрелен двоюродный брат Евгения, Павел Комаровский. Совместные усилия по расследованию дела венецианской и петербургской полиции увенчались победой: несчастный граф Павел, обладатель большого состояния, пал жертвой обольстительной авантюристки. Та морочила ему голову, обещая выйти замуж, с помощью любовника-нотариуса заставила влюбленного аристократа подписать завещание в свою пользу, а еще одного воздыхателя отправила застрелить соперника. Пока тянулось следствие, завещание было оглашено, деньги переведены в пражский банк – по месту обитания роковой красавицы. Но тут-то ее и настигла карающая рука закона в лице великого русского сыщика Филиппова. Преступница была заключена за решетку, завещание отменено. Родственники погибшего наперебой претендовали на лакомый кусок, но война неумолимо внесла коррективы в судебное решение. Граф Комаровский остался единственным наследником состояния. Из продуваемого всеми ветрами палаточного лагеря на бесприютном берегу Средиземного моря граф Комаровский переехал в уютную квартиру в столице молодой Чешской республики.

На этом бы у кого другого и закончилась ужасная, пропитанная кровью, глава биографии, именуемая Гражданской войной, но граф Евгений Комаровский был не таков. Прежние вожди более ему не внушали доверия – слишком близко он к ним стоял и знал то, что оставалось невидимым за фанфарами парадов и лаконичными строками приказов. В Праге у лихого гусара наконец, появились время и возможность все обдумать и спокойно оценить. Любовь к Отечеству, природная храбрость и ненависть к быдлу, возмнившему себя вершителями судеб, толкала к решительным действиям. Следовало продолжать борьбу. Но как?

Пользуясь упавшим на него с неба состоянием, Комаровский сколотил в Праге небольшую офицерскую группу, желавшую, как и он, сражаться во благо Отечества. Поиск личностей, способных повести за собой, продолжался несколько месяцев – как показалось Комаровскому, мучительно долго, – пока в один прекрасный день в квартиру графа не постучался коммивояжер, продававший французские велосипеды и мотоциклы.

Беседа с потенциальным «велолобителем» длилась несколько часов, а спустя три дня в Праге уже был открыт филиал – и не только Сент-Этьенской мануфактуры, но и организации, именуемой «Внутренняя линия». Официальное назначение ее было – контрразведка, борьба с вражеским проникновением в ряды белой гвардии. Впрочем, можно ли говорить об официальности, когда речь шла об организации, существование которой оставалось секретом для

большинства членов Русского Обще-Воинского Союза, а настоящие цели и средства борьбы не были известны ни генералам Врангелю и Кутепову, ни самому великому князю Николаю Николаевичу. Жесткая, спаянная железной дисциплиной, тайная организация выгодно отличалась от рыхлой и зачастую деморализованной массы белой эмиграции.

Приезд генерала Згурского был настоящим праздником и для Евгения Комаровского, и его соратников. Мысль о том, что, может быть, здесь со дня на день будет решаться судьба России, не оставляла графа, наполняя и без того энергичного молодого офицера каким-то воистину электрическим зарядом.

«Если Шведов не врет, – крутилось у него в голове, – то ситуация в России развивается именно так, как подсказывает неумолимая логика. Окончание гражданской войны свело на нет отговорки большевиков – мол, немедленному выполнению сладкозвучных обещаний мешают Юденич, Деникин, Колчак, Врангель и иже с ними. Мир без аннексий и контрибуций? Где там! Шиш на блюде – миллиардные контрибуции, потеря Польши, Финляндии, Прибалтики, части Белоруссии и Украины. “Заводы и фабрики – рабочим”? Ан нет, не получается: без опытных инженеров и управленцев завод – не завод, а груды железного лома. “Земля – крестьянам”? Это да, это можно! Вот только идея отдавать урожай с этой земли большевикам у “пахарей-кормильцев” отчего-то не вызывает бурного восторга.

То и дело вспыхивают бунты: крестьяне – на Тамбовщине, рабочие – в самом Петрограде и его окрестностях... Знаемое ли дело – во время стачки на Обуховском заводе и в Колпино десятки тысяч воспетых “товарищами” пролетариев без всякой жалости разогнали прикладами и стрельбой поверх голов! Да что там рабочие! А мятеж Кронштадских моряков? Казалось бы, – вот она, цитадель революции, ленинская гвардия! Ведь и их допекло! И это только начальные толчки того огромного вулкана, которым не сегодня-завтра станет Россия!

Недаром же великий князь Кирилл Владимирович – местоблюститель императорского престола – в своем манифесте написал: “Пусть русская армия, хотя и называемая Красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправленных прав Русского народа! И, воскресив исторический завет “За Веру, Царя и Отечество”, восстановит на Руси былой закон и порядок”. Если он так написал, наверняка ему известно нечто, позволяющее возлагать на Красную Армию серьезные надежды».

Граф Комаровский поглядел на генерала Згурского, углубленного в разбор корреспонденции:

– Владимир Игнатьевич, скажите, будьте так любезны, каково ваше мнение о манифесте великого князя Кирилла Владимировича.

– В котором он в императоры себя производит?

– Так точно.

– Не мое дело критиковать великих князей. Знаете ли, милейший Евгений Александрович, вот что я вам скажу: после взятия Камышина Антон Иванович Деникин присвоил мне звание генерал-лейтенанта. А мы с ним, извольте понять, в Академии Генерального штаба учились на одном курсе. И вдруг – на тебе. Он меня жалуется. Как-то так мне это все нелепо стало, и передать не могу. Кресты не взаправду, звания... Смерть и кровь – те да, настоящие. А это так – игрушки для молокососов. Стыдно-с. Отписал Антон Ивановичу, – отпивая чай, по московскому обыкновению – с блюдца, усмехнулся Згурский. – Чтоб его не огорчать, сказал, что непременно присланные им погоны надену, когда войска наши Москву возьмут. Вот так-то. Пока, сами понимаете, не довелось обнову примерить. Суть же сей басни такова: можно и местоблюстителем престола, и самодержцем, и хоть императором себя величать. Но коли трон Российский там остался, а его императорское высочество здесь, то от мишуры позлащенной толку чуть. Эмиграцию российскую этот маскарад не объединяет, напротив, увы, на части рвет. Так что не обессудьте, Евгений Александрович, не одобряю.

– А насчет того, что Красная Армия сама может большевиков скинуть?

– Мочь-то она может. Вопрос – станет ли. Возможно, на этот и многие другие вопросы сможет ответить генерал от кавалерии Брусилов. Если, конечно, месье Шведов не попытается ввести нас в заблуждение. Кстати, Евгений Александрович, полагаю, следует отработать план встречи с его высокопревосходительством. Наверняка, он не будет иметь возможности вот так вот запросто прийти в вашу уютную квартиру и почаевничать с нами в душевной беседе.

– Да... Но никто еще не знает о намерении генерала Брусилова прибыть в Чехию. Что же касается его размещения здесь – и вовсе тайна сия велика есть.

– Вы правы, господин штаб-ротмистр. Но давайте рассуждать здраво. Брусиловский прорыв да и вообще действия почтеннейшего Алексея Алексеевича против Австро-Венгрии, по сути, принесли Чехии свободу, уж во всяком случае, приблизили ее. Поэтому можно предположить, что президент Чехии пожелает наименовать Брусилова почетным гостем и разместить его в одной из своих резиденций. Надеюсь, вы знаете, где в Праге и около нее имеются такие объекты?

– Так точно.

– Вот и славно, – Згурский еще отпил чай, – сегодня туда отправляемся. Далее. Здесь, несомненно, живут участники Брусиловского прорыва.

– Именно так.

– Их надлежит собрать, приготовить поздравительный адрес, организовать встречу, а затем – как в бою: вцепился в передний край – руби, коли, развивай успех.

– Все это так, но беда в том, – задумчиво начал Комаровский, – что генерал Спешнев, возглавляющий организацию ветеранов, как они себя называют, Луцкого прорыва и боев в Галиции, почитает Алексея Алексеевича продажной шкурой и отзывается о нем весьма нелестно.

– Позиция его понятна, но я надеюсь убедить собрата переменить решение... Если мы хотим за сегодня успеть все, что наметили, следует не медля выезжать.

– Так точно, ваше превосходительство! – граф Комаровский поднялся из-за стола. – Если не возражаете, оставайтесь здесь. Я куплю утренние газеты, заведу машину и вам просигналю.

– Пустое, – отмахнулся Згурский, – пройду по столице, подышу воздухом.

– Как скажете, Владимир Игнатьевич. Тогда буду ждать вас на углу возле аптеки. Ну, помните, там где лев...

– У аптеки, так у аптеки.

– Только ж вы смотрите, не пропадите.

– С какой такой стати?

– Да рассказывают, как-то ночью забрались в эту аптеку воры. Что уж там было, никто не знает. Может, спирта крепко хватили или еще что, но только начали сильно буяннить. На звон битого стекла и крики прибежала полиция. А когда в здание ворвались, то никого из грабителей там не обнаружили – исчезли, как не было.

– Ерунда, – поморщился Згурский. – Могу поспорить, в подвале дома есть подземный ход. Постройка старая – в прежние века такие вещи любили. В моем доме на Сретенке такой ход тоже имелся. Мальчишками нас оттуда гоняли – боялись, как бы не засыпало. Но дед сказывал, что до самого Кремля по тому ходу дойти можно было. Вот так вот, дорогой мой Евгений Александрович! А вы говорите исчезновения, черные дамы, предсказания судьбы... Вроде дельный человек, а голова у вас забита всякими нелепицами!

Май 1924

Судаков ворочался в постели, стараясь отделаться от прилипчивого сна. Ему виделся Байкал: огромный, необъятный, пугающий своим холодным величием. Двадцать лет назад Петр Федорович совсем молоденьким солдатом был прислан с тремя сотнями таких же необ-

стрелянных юнцов для пополнения растерзанного в боях с японцами полка Амурских драгун. Судакову снилось, будто стоит он в карауле, вдруг начинает дуть сильный ветер, и зеркальная гладь таежного моря вздымается огромными волнами, подступает к нему... А с поста не уйти. Он стреляет в воздух, чтобы вызвать разводящего, но тщетно. Вода уже по колено, по пояс, по грудь подступает, вот и воздуха не хватает...

– Батянь, батянь! Очнись, – Варька трясла его за плечо. – Там Фролиха прибежала. Сказывает, у Таисии Матвеевны в доме неладное!

– А? Что? – Судаков вскинулся, сел на кровати и замотал головой, стряхивая обрывки кошмара.

– Фролиха, говорю, прибежала! Псы, говорит, разлаялись. Она вышла во двор узнать, а во флигеле дверь нараспашку, крик – точно Ольга, дочка Таисии Матвеевны, орет... ну, она огородами – и сюда.

Судаков споро натянул галифе и вставил ноги в хромовые сапоги.

– Мне в управу к дежурному бежать? – вопросительно глядя на отца, предложила Варька.

– Сам разберусь! – отрезал начальник милиции, доставая из-под подушки револьвер. – Фролиха пусть здесь пока сидит! Капель ей накапай, чтоб не причитала зазря.

– Мамаля уже налила.

– Вот и дело, – на ходу застегивая френч, кивнул отец.

«Это не бандиты, – стучало в его голове. – Их тут, почитай всех под корень извели. Да и не пошли бы бандиты к училке. Братъ у нее нечего, нрава она благостного, не гуляющая...»

Судаков выскочил из дома и, не разбирая пути – огородами, через заборы, пугая собак, – бросился к учительскому флигелю. Дверь, как и говорила Фролиха, была нараспашку. В прихожей горел свет.

Судаков перекрестился, сплюнул, вскочил в сени и, взведя курок нагана, ногой ударил в дверь горницы!

– Руки вгору! Одно движение – стреляю!

Картина, открывшаяся взгляду охранителя закона, взорвала какой-то неведомый для самого Судакова фугас в его душе. Учительница лежала на полу без чувств, со скованными за спиной руками. Ее дочь, с кляпом из оторванного рукава платья, была крепко привязана к стулу. У стола валялись какие-то бумаги, вывернутые из комода вещи. Посреди этого хаоса стоял Василий Гуц.

– А ну прекратить! – рявкнул он.

В другое время этот окрик непременно возымел бы действие, но не сейчас.

– Ты что это удумал, паскуда? – не размыкая сведенных яростью зубов, прошипел Судаков.

– Приказываю убрать револьвер! Под трибунал захотел? – потрясая бумагой, закричал гэпэушник. – Вот ордер на ее арест!

– Да хоть подотрись этим ордером!

– Что-о? – рука Василия Гуца потянулась к висящей на ремне кобуре.

Короткий хлопок выстрела оборвал это движение.

– Да ты...

Второй выстрел.

Гэпэушник рухнул на пол. Судаков услышал, как стукнула калитка. К флигелю начали приближаться шаги. Поспешные. И не шаги вовсе, а бег.

«На улице мотор, – быстро сообразил начальник милиции. – Сам Гуц водить не умеет. Значит, приехал с шофером. Ну да, как же. Откуда ему здесь в такое время взяться. Не иначе из волости».

– Стой! Бросай оружие! – послышалось из сеней.

В дверном проеме обозначилась крупная фигура. Судаков вскинул наган и нажал на спусковой крючок:

– Кажись, больше никого.

Начальник милиции подскочил к лежащей без сознания женщине, с робостью похлопал ее по щекам. Метнулся к дочери, вытащил кляп изо рта. Принялся распутывать веревки.

– Что сталость-то?

– Не знаю, – всхлипнула дочь. – Я уже в постели была. В дверь постучали, мама открыла. А потом этот, – она поглядела в сторону лежащего в крови гэпэушника и начала бледнеть.

– А ну не смей! – Судаков тряхнул её за плечо. – Не вздумай мне тут в обморок падать! Воды неси – мать в чувство приведи! Этой, как его? Нюхательной соли! – и вновь поглядел на Татьяну Михайловну. – Заковал! Вот же упырь!

Судаков бросился к Гуцу и начал обшаривать его карманы в поисках ключа. Тот застонал и приоткрыл глаза:

– Ты что ж наделал, падлюка, – прохрипел начальник ГПУ. – Тебя ж расстреляют, гнида!

– Не ты! – милиционер опустил увесистый кулак на голову гэпэушника.

– Петр Федорович, любезнейший. Что ж это? – раздалось за его спиной.

– Сейчас, Татьяна, сейчас я вас раскую! – он нащупал в кармане штанов Гуца маленький ключик. – Это хорошо, что вы очнулись!

Он повернулся к учительнице. По лицу ее стекала вода из вывернутого на голову ковшика.

– Вы того... Вы сейчас не переживайте! Страшное уже позади, – Судаков отомкнул наручники. – А что впереди – никому не ведомо...

– Да что же это было?

– А я предупреждал! Вот этот вас арестовывать явился. Вон и ордер имеется. Так что не подоспей я, ехали б вы уже отсюда в места не столь отдаленные, сколь недоступные.

– Эти люди... Вы их убили?

– Не переживайте так. Подранил, наверное.

– Им надо незамедлительно оказать помощь! Могут же кровью истечь! – разминая затекшие в железных браслетах запястья, деловито сказала учительница. – Ольга, принеси сумку с бинтами и медикаменты.

– Мама! Ну что ты такое говоришь! Ведь они наши враги! Этот тебя по голове ударил – чуть не убил!

– Не смей! Они люди, раненые! И оказать им помощь – наш долг. А что ударил – служба у него такая.

– Таисия Матвеевна, – с нажимом заговорил Судаков. – Уходить надо! Сейчас на стрельбу сбегутся, нет времени на перевязки. Хватайте, что есть ценного, да поскорее! Иначе и вам конец, и мне заодно!

– Петр Федорович, я очень благодарна за вашу заботу, за помощь! Вы повели себя как мужчина, как настоящий рыцарь. Но я не смею злоупотреблять добротой. К тому же, нам бежать некуда.

– Уходите, спасайтесь, говорю!

Не слушая его, Згурская бросилась на поиски сумки с аптечкой.

Вся жизнь кавалерийским галопом пронеслась в мозгу начальника милиции. Жизнь, закончившаяся этой ночью тремя прицельными выстрелами.

– Нет уж, как хотите, – тихо сказал Судаков. – Ольга, собирай вещи! А этим, – он сделал еще два выстрела, – помощь уже не нужна. Поторапливайтесь! Место одно знаю – там вовек не сыщут. А дальше... Господь – он всех видит, всех спасает.

Май 1924

Шум утренней Праги вливался в уши кваканьем автомобильных клаксонов, скрипучим патефонным соло и непривычным звучанием разговоров спешащих по делам прохожих. Генерал Згурский улавливал в чешской речи нечто отдаленно знакомое, будто на германский манер говорили на одном из славянских языков. Прежде Владимиру Игнатьевичу не доводилось бывать в чешской столице. Он рассматривал дома, видневшиеся за черепичными крышами, высокие шпили колоколен... Город не был похож ни на Париж, ни на чопорные немецкие бурги, в которых он останавливался прежде. Было в городе что-то сказочно-величественное, точно вся Прага строилась как огромная декорация для грандиозного спектакля.

От мысли о спектакле разум быстро перебросил мостик к предстоящей встрече. Что это будет – трагедия или фарс? Действительно ли генерал от кавалерии Брусилов, рискуя жизнью все последние годы, создавал мощное боевое подполье в Красной Армии? Или же это страстная попытка выдать желаемое за действительное? Но чья попытка? ОГПУ или десятка «бывших», находящихся в непосредственной близости к Брусилову? Реальна ли организация, о которой рассказал Шведов? Реальна ли сила этой организации? Правда ли, что подполье внутри «красного дракона» ищет связь с таким же, по сути, подпольем «дракона белого»? С какой целью? Вопросы оставались без ответа.

Згурский досадливо поморщился. Он крайне не любил вопросов без ответов. С ночи его мучила неопределенность. Он готов был предположить, что Шведов и впрямь до конца искренен – во всяком случае, в том, что касалось покушения на Троцкого и дальнейшего пути боевиков. Но ситуация продолжала оставаться в высшей мере подозрительной.

«Очень может быть, что неведомый Орлов-Орлинский на самом деле не член таинственной брусиловской организации. Возможно, он хитрая ищейка ГПУ, один из тех, продавших первородство за чечевичную похлебку».

Згурский неспеша, постукивая по брусчатке тяжелой, залитой свинцом тростью, подошел к перекрестку, где возле старинной аптеки скалило клыки изваяние льва. Он погладил каменного царя зверей по роскошной гриве и покачал головой. Столько загадок без ответа. А ответы так нужны! Сейчас как никогда Згурский жалел, что прежде ему не довелось познакомиться с Брусиловым. Он видел его лицо на плакатах, газетных фотографиях и даже в синематографе – в семнадцатом году принимающего награду из рук французского посла Мориса Палеолога.

Но сейчас, здесь, важно было личное знакомство. Увы, ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Китае, ни на Дальнем Востоке, ни на Кавказе, ни во Франции их путям не суждено было пересечься. Згурский раздраженно пристукнул тростью.

«А вот с великим князем Михаилом Александровичем как-то раз встретиться пришлось. На Кавказе, на даче у шефа Мингрельского гренадерского полка великого князя Дмитрия Константиновича»...

Тогда он как командир первого, шефского батальона прибыл поздравить великого князя с Пасхой. Рядом с болезненно худым Дмитрием Константиновичем высокий, атлетически сложенный Михаил казался настоящим русским витязем.

Очень живо представлялось, что вместо конногвардейского мундира на младшем брате императора – богатый цареградский доспех с сияющим зеркалом и шлем с острым шпилем, вместо увенчанной двуглавым орлом каски. Как рассказывали, великий князь без особого труда гнул кочергу и складывал пальцами серебряный рубль. Впрочем, не только в этом, но и во всех личных качествах родственники смотрелись очень разно: довольно холодный, нервически-резкий Дмитрий и мягкий, добрый и обходительный Михаил. Первый – чурающийся дамского общества пуще огня, второй – центр громких любовных историй, сотрясающих устои царского дома.

Впоследствии Згурский искренне жалел Михаила, когда за женитьбу на дважды разведенной бывшей супруге однополчанина Михаил был лишен всех прав и, почти бедствуя, жил с любимой вдали от Отечества. Згурский радовался, когда вначале Великой войны Михаилу позволено было вернуться на родину и встать в строй. Предводительствуемая великим князем Дикая Туземная дивизия, составленная из свирепых кавказских горцев, снискала заслуженную славу беспримерной храбростью и удалью, и среди них командир слыл отъявленным смельчаком.

Когда в восемнадцатом году прошел слух, что содержащийся в Перми под гласным надзором Михаил сбежал вместе с секретарем, Згурский ликовал, надеясь вскоре увидеть любимого армией и народом великого князя во главе белого движения. Но этого не произошло. Позже стали всплывать крайне неприятные известия, свидетельствующие об убийстве брата государя большевиками. Правда, собранные колчаковской военной прокуратурой сведения отличались разнородностью показаний участников преступления, которые сильно противоречили друг другу. Но о самом Михаиле Александровиче по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Это заставляло мириться с достоверностью факта гибели великого князя. И вот теперь сообщение Шведова...

«Неужели он действительно жив и скрывается в России? – размышлял Згурский. – Это очень многое меняет: Михаилу император передал власть, отрекшись от престола. Михаил и в прежние времена был известен своим мягким либеральным характером. Он не отрекался от трона, как о том любят врать большевики, а лишь издал манифест об отложении принятия им власти до Учредительного собрания, которое было созвано и разогнано большевиками. Стало быть, Михаил имеет неоспоримое право вернуть себе державу и скипетр. Но его положение в России...»

При этой мысли у Згурского заныло сердце. Образ великого князя растворился сам собой, уступая место другому – милому до боли и любимому.

«Она там, она жива, но ей плохо... Я чувствую, ей очень плохо!»

Генерал ухватился за спину льва, чтобы не упасть от внезапно нахлынувшей дурноты. Он ощутил, как земля уходит из-под ног.

– Не сейчас, – слышалось за спиной.

Згурский через силу повернулся – перед ним стояла дама в черном траурном платье с лицом, закрытым вуалью.

– Это скоро пройдет, – продолжала она по-немецки. – Род твой идет через реку крови, молнией начертан его путь. И ты пойдешь в тех молниях, чтобы найти свой ландыш, обернувшийся девочкой.

– Кто вы? – прошептал Згурский.

Ему хотелось сказать громко, но горло точно обложили ватой.

Дама, не говоря ни слова более, отрицательно покачала головой и вознамерилась уйти.

– Постойте! Вы что-то знаете, говорите немедленно!

– Уж сказала.

– Черт возьми, кто вы?!

Дама медленно приподняла вуаль. Незнакомое старушечье лицо, светлые и глубокие, точно неживые, глаза. Вдруг, будто под действием лучей утреннего солнца, глаза потемнели, разрез их стал по-китайски раскосым, а вместо сжатого, изрезанного морщинами рта проступила неизменная глумливая ухмылка Лун Вана.

– Ты?! – в глазах Згурского вспыхнула и померкла картина горящей улицы Бейджина. Он начал падать и вдруг почувствовал, как его подхватывают чьи-то сильные руки.

– Владимир Игнатьевич, да что же это...

Глава 8

«Горе тому, кто не способен подкрепить мораль силой».
Эдуард Скобелев

Май 1924

Бывший штабс-капитан, бывший комиссар почтамта, бывший сотрудник уголовного розыска литератор Зошенко тряс руку датчанина, позабыв, зачем, собственно, пришел в дом на Гороховой.

«Вот так-так, – наблюдая за происходящим, удивился Болеслав Орлинский. – Бывают же случаи... Выходит, датчанин-то – никакой не датчанин. А документы безукоризненные – эмигрантские шпионы-любители о таких и мечтать не могут!»

– Вы обознались, – с осязательным акцентом возразил Нильс Кристенсен.

– Да? Бывает же такое сходство!.. – смутился Зошенко. – У нас в гренадерском доктор очень на вас был похож. Простите, ради бога.

– Окажите любезность, голубчик, проходите к столу, присаживайтесь. Я сейчас вернусь, и мы займемся вашим делом, – Орлов взял Виконта под локоть. – Господин Кристенсен, – закрывая поплотнее дверь, негромко сказал начальник Уголовно-следственной комиссии, – до официального завершения дела мы вас разместим в одном очень уютном местечке.

– Но...

– «Но» не принимаются. Поверьте, это наилучший выход из сложившегося положения. Скажу вам сразу – дом хорошо охраняется. Я, признаюсь, впечатлен нынешней демонстрацией приемов жиу-жиу, но весьма, весьма не рекомендую использовать их против наших сотрудников. Если, конечно, вы не умеете сбивать в полете револьверные пули. Доверьтесь мне, и все будет замечательно.

«Попался, рысачок крашенный! – мысленно ликовал он. – Тебя бог послал в ответ на мои неслышные молитвы. Ты-то вьючной лошадкой и поработаешь».

«Это ж надо так вляпаться! – думал Джокер-3. – Что можно сделать? Ладно, как учил Вальдар: “Если не можешь изменить ситуацию, подожди, пока она изменится сама. И вот тогда действуй быстро и решительно”. Но до чего нелепо! Чувствовал же я, что затея с русским предком плохо закончится!»

– Я понял вас, – неторопливо, с достоинством кивнул доктор Кристенсен. – Надеюсь, вы быстро во всем разберетесь.

– Будьте покойны, Сергей Владиславович. Будьте покойны. Подождите в коридоре, вас проводят. Я только проинструктирую товарища.

Нильс вышел из приемной, а Болеслав Орлинский быстро повернулся к секретарю.

– Так. Звони в комендатуру – пусть выделят взвод китайцев из интернациональной бригады. Отвезешь господина Кристенсиена в Особняк. Ты знаешь куда. Разместишь со всеми удобствами. Охранять как зеницу ока, наблюдать безотлучно!

– Слушаюсь! – вытянулся секретарь. – Может, в ГПУ сообщить?

– Я сам доложу. А ты выполняй, что сказано! – он приоткрыл дверь в коридор, где под охраной двух бдительных церберов с невозмутимым видом ожидал своей участи датчанин. – Не прощаюсь с вами. До скорой встречи!

Орлинский вернулся в кабинет, внутренне продолжая ликовать и напевая про себя «Гром победы, раздавайся».

– Ну те-с, товарищ Зошенко. Чем я могу быть вам полезен?

Он не обратил внимания, как тихо закрылась дверь кабинета, и уж подавно не мог видеть, как его секретарь, вытащив из кармана вечное перо, начал писать ровным бисерным почерком: «Председателю ОГПУ, председателю Комиссии при Совете труда и обороны по борьбе со взяточничеством Ф. Э. Дзержинскому. Сообщаю, что сегодня к начальнику Уголовно-следственной комиссии Ленинграда тов. Б. Я. Орлинскому был доставлен некто, судя по документам Красного Креста – датский врач Нильс Кристенсен. Этот доктор был опознан бывшим сотрудником уголовного розыска М. М. Зоценко как его сослуживец по Мингрельскому гренадерскому полку. По распоряжению тов. Орлинского арестованный размещен в спецобъекте Особняк. На предложение сообщить о столь явном шпионском деле в местное управление ГПУ тов. Б. Я. Орлинский заявил, что самолично доложит куда следует. Однако же, по всему было видно, что давать этому делу законный ход тов. Орлинский не намерен, о чем я вам по своей партийной совести и докладываю. Число, подпись».

Секретарь пробежал глазами текст, приложил сверху лист промокательной бумаги и с удовлетворением обтер перо:

– Вот так-то будет вернее.

Май 1924

Штаб-ротмистр Комаровский выскочил из машины, даже не потрудившись захлопнуть дверцу. Издали ему померещилось, что фигура каменного льва неожиданно осветилась, словно целый сноп солнечных лучей остановил внимание на шкуре мраморного царя зверей. Евгений Александрович увидел, как подкашиваются колени у несгибаемого Згурского, и черная тень скользит мимо стены аптеки. Он успел подхватить обеспамятевшего генерала. Обмякшее тело было неимоверно тяжелым.

– Господину плохо? Нужна помощь? – из-под арки у дверей аптеки, как будто поджидая случая, вынырнул прохожий.

– Помогите внести, – то ли попросил, то ли скомандовал Комаровский.

– Конечно, конечно!

... Улица Бейджина плыла перед глазами капитана Згурского. Он видел ее через прикрытые веки: нелепые скругленные крыши с загнутыми, точно поля модных дамских шляпок, краями сползали на него в клубах дыма и вырывавшегося из окон пламени.

Час назад, глядя на запертые ворота столицы Поднебесной империи, он, командир роты Сибирских стрелков, понимал, что сегодняшнему дню предстоит войти в боевую летопись русского оружия. И его имя будет внесено туда. Возможно, посмертно. Еще до рассвета его стрелки выдвинулись захватить плацдарм на подступах к китайской столице и, сбив штыками потерявшую бдительность заставу, оказались у самых ворот Бейджина. Переполошенные защитники города опешили, увидев русских так близко, но затем открыли ураганный огонь.

Вооружение повстанцев было намного хуже русского, но на их стороне были мощные стены, крепкие ворота и четверть версты расчищенной территории, по которой необходимо было в полный рост двигаться вперед. Территории, на которой из многозарядных арбалетов сотня воинов могла выпустить две тысячи стрел за пятнадцать секунд. И пусть это были легкие бамбуковые стрелы, не пробивавшие самый незамысловатый доспех, но ведь и гимнастерки Сибирских стрелков уступали броне. К тому же, наконецники китайцы макали в яд, вызывавший мучительную боль во всем теле.

Понимая, что рота обречена, Згурский послал в штаб полка ординарца с сообщением о бедственном положении, но приказа отступить не было. Окопаться под градом стрел и пуль также не представлялось возможным. Оставалось лишь атаковать.

Развернув на прямую наводку оба приданных к роте трехдюймовых орудия, капитан Згурский скомандовал разнести ворота в щепы. Сделать это было куда тяжелее, чем сказать.

Снаряды оставляли некрупные дыры в окованных железом дубовых створках и взрывались где-то по ту сторону крепостных стен. Щитки орудий оказались единственным укрытием на всем предвратном пространстве.

Солдаты сгруппировались у пушек, пытаясь спрятаться от губительного бамбукового ливня. Матерясь сквозь зубы, они выцеливали засевших на стенах арбалетчиков, но на место убитых тут же становились другие. Заменить же убитых и раненых сибирцев было нечем.

Бессильная ярость клокотала в душе капитана Згурского. Лучше всех он понимал, что еще две-три минуты такого боя – и рота его попросту растает в безумно храброй, но безнадежной попытке взять «на копье» цитадель Бейджина. Згурский чувствовал, как переполнявшая его обжигающая ярость собралась в огненный ком в центре живота...

– Огонь! – взревел он, командуя расчетом последнего, еще работающего орудия. И увидел, как падает с пронзенным горлом заряжающий, не успев дослать снаряд в казенник. – Огонь!

Дальнейшее потрясло и тех, кто оборонялся на стенах, и тех, кто шел на безнадежный приступ: будто меткий выстрел из главного калибра линкора ударил по украшенным драконами дубовым створкам. Это была ослепительная вспышка, грохот, от которого содрогнулись стены Вечного города и начали осыпаться крыши домов...

Згурский внезапно ощутил, что внутренний огонь больше не обжигает его, будто именно бушевавшая в нем запредельная энергия разрушила те самые чертовы ворота.

– Вперед! – скомандовал он, подхватывая с земли чью-то винтовку. – В штyki!

Это было чистым безумием. Несколько десятков израненных, чудом выживших сибирцев – ничтожная капля, которую многотысячный гарнизон столицы мог смахнуть, едва заметив, как пот со лба. Но, должно быть, почувствовав неладное, защитники в панике оставляли стены, с нелепой легкостью позволив атакующим ворваться в город.

Спустя примерно четверть часа ихетуани¹⁵ отошли от шока, и бой на улицах закипел с новой силой. Но вслед за 7-ой ротой 5-го полка Сибирских стрелков уже ворвалась спешившая на подмогу вся стрелковая бригада.

Згурский был на острие атаки. За очередным поворотом узкой улочки его ожидала баррикада, моментально огрызнувшаяся сотней пуль и стрел. Молодой капитан ощутил резкий болезненный удар в ногу, затем в грудь, и рухнул на землю без чувств...

Ужасный омерзительный запах достиг его сознания, выдергивая из оцепенения.

– Ну, слава богу, очнулись! – услышал генерал Згурский.

– Лун Ван, – прошептал Владимир Игнатьевич.

– Да нет же! Это я – Комаровский!

– Где я? – генерал приподнялся на локте и попытался осмотреться.

– Все в порядке, вы в аптеке «У Белого льва». Спасибо господину – помог вас донести.

Вам неожиданно стало плохо.

– Контузия догнала... Порт-Артур, – пробормотал Згурский. – Помогите мне встать.

– Ну что вы, Владимир Игнатьевич, лежите! Сейчас лекарства принесут. А кто такой этот Лун Ван? Вы его все зовете.

– Китаец один, доктор. Он меня спас после штурма Бейджина.

– Спас? Китаец?

– Да, – нормальный цвет лица постепенно возвращался к генералу. – Двойное ранение – пулей и стрелой. Стрела отравленная – все тело горело. Был бы рядом пистолет – застрелился бы.

– Это же грех какой!

¹⁵ Ихетуани – тайное общество, возникшее в конце XVIII века, участвовало во многих восстаниях. Наиболее известно восстание 1898–1900 гг, вошедшее в историю как «восстание боксеров». «Ихэ-цюань» (кулак в защиту мира и справедливости).

– Евгений Александрович, нам никогда не узнать о боли того, что знают о ней китайцы. Я думаю, Лун Ван был среди мятежников, а когда понял, что восстание обречено, решил спасти себя и семью, взяв на излечение русского офицера. Так это было или нет, от старого хитреца правды добиться не удалось, но впоследствии причин жаловаться на него мы не имели. Он – великий доктор и великий мастер воинских искусств. Мы с ним подружились. Он лечил все русское посольство на протяжении нескольких лет, во всяком случае, покуда я был там помощником военного агента. Кроме того, вместе со своими тремя сыновьями и дочерью обучал меня рукопашному бою... Сейчас бы он мне очень не помешал, – вздохнул Згурский. – Дело вот в чем. Я действительно видел черную даму, о которой вы давеча рассказывали.

– И что? – штаб-ротмистр Комаровский с интересом придвинулся.

– Она несла всякую околесицу. Но вот что странно – старая карга упомянула реку крови, через которую я иду.

– Все мы идем через реки крови, Владимир Игнатьевич.

– Да, это верно. Но дело в том, что в гербе Згурских в серебряном поле червлёный пояс – красная полоса, знаменующая реку крови, через которую мы, Згурские, идем к славе и победе. И потом, старуха что-то плела о молниях... Мол, ими предначертан наш путь. И вот какое совпадение: в год восшествия на престол царя Михаила Федоровича, молния, ударившая среди чистого неба в дуб, на котором собирались повесить моего предка – как можно догадаться, польского шляхтича – спасла его от гибели. Да... Лун Ван, молния... Тут, видит бог, что-то есть, – Згурский сел на кушетку и стал торопливо застегивать ворот рубашки. – Простите, что-то я разболтался. Можно ли отыскать эту... черную даму?

– До сих пор это не удавалось никому.

– Нелепость какая!..

Дверь каморки в глубине аптеки открылась, и в щели показалось взволнованное лицо хозяина:

– Простите, вы случайно не господин Згурский?

– Да, это я.

– Я начал готовить вам лекарство, но вспомнил, – аптекарь замялся. – Не знаю даже, как сказать...

– Говорите как-нибудь! Я понимаю немецкий.

– Дело в том, что несколько дней назад сюда приходил пожилой господин восточной наружности. Он оставил здесь микстуру из наростов корня, – фармацевт посмотрел на бумажечку с записью, – тань-гуань. Он утверждал, что корню много более ста лет. Честно говоря, я не знаю, что бы это значило. Но господин был очень убедителен и сказал, что именно сегодня утром около моей аптеки упадет в обморок некий русский по фамилии Згурский, – аптекарь окончательно сконфузился. – Он просил передать это вам.

– Тань-гуань, – тихо проговорил генерал. – Корень дерева бо-му. Глазам своим не верю! Когда приходил этот восточный господин?

– Примерно дней, этак, десять назад.

– В это время я еще и не предполагал ехать в Прагу.

Он замолчал, словно погруженный внутрь себя, потом медленно произнес:

– Времени нет...

– Владимир Игнатьевич, не беспокойтесь, берегите себя! Мы успеем, еще ранее утро.

– Нет-нет, я не о том. Это Лун Ван сказал двадцать лет назад. Он утверждал, что времени не существует, и все происходит, как бы так выразиться, везде и всегда.

– Не понимаю.

– Признаться, я тоже. Однажды перед самой отправкой в Порт-Артур я зашел к Лун Вану – он как раз готовил снадобье из этого корня... Средство очень сильное. Китайцы верят, что если его принимать регулярно, оно сделает человека бессмертным. Как раз тогда мы поспорили

с Лун Ваном. Я говорил, что вечная жизнь невозможна, со временем организм изнашивается. А он сказал, что времени – нет... Откройте, пожалуйста, сосуд!

– Он замотан. Печать... – начал Комаровский.

– Я вижу. Сломайте печать и посмотрите – там, внутри пергамента, в который обернут пузырек, должна быть подпись.

– Да! – разворачивая кусок чисто выскобленной кожи, кивнул штаб-ротмистр. – Так и есть. «6 января 1904 года. Капитан Згурский». Владимир Игнатьевич, вы хотите сказать, что подписали этот пергамент двадцать лет назад?

– Именно так.

– А кажется, что и чернила-то едва просохли!

– В разгар нашего спора Лун Ван вдруг поднялся и вышел. Как мне представилось – в соседнюю комнату. Отсутствовал чуть больше пяти минут. А когда вернулся, сказал, что отправил лекарство мне. Я спросил – зачем? Лун Ван ответил, что в нужный час оно укрепит мои силы. Но когда я возвратился в посольство, денщик божился, что лекарства мне не доставляли. И я тогда списал это на нерасторопность слуг великого лекаря. Потом отъезд, война...

Згурский поглядел на глиняную бутылочку, украшенную иероглифами:

– Да, тот самый... Невероятно! Но оставим это, – он откупорил лекарство. – Принесите мне воды. У нас слишком много дел, чтобы распутывать китайские головоломки.

Май 1924

Дзержинский прикрыл уставшие глаза. День выдался скверным. Партийная дискуссия, навязанная Львом Троцким, его настоятельное требование превратить три четверти работоспособного населения страны в бойцов и командиров трудовых армий – требовали осторожности и умения маневрировать, не противореча никому и поддерживая тех, кто нужен. Резкому и жесткому председателю ОГПУ такое искусство было чуждо, и необходимость учиться ему вызывала раздражение, граничащее с яростью.

Резоны, которыми оперировал Троцкий, были понятны всякому истинному революционеру. Для мировой революции необходимо максимальное напряжение сил. Для максимального напряжения сил нужна железная дисциплина, а самая лучшая, самая крепкая дисциплина – в армии. Опыт подобных формирований у Троцкого уже имелся: еще в гражданскую войну сведенные в монолитный войсковой организм, десятки тысяч бойцов трудового фронта вынуждены были под угрозой трибунала совершать настоящие чудеса там, где наемные рабочие без лишних слов разбежались бы, капитулировали перед врагом и суровой природой.

Однако, нутром Дзержинский чувствовал, что такие экстренные меры в мирное время будут опасны для государства и революции.

Ему, как никому другому, приходилось работать с поступающей с мест информацией о крамольных разговорах среди пролетариата, недовольстве крестьян, надвигающемся голоде... Папки с донесениями громоздились у него на столе, подобно баррикадам на Красной Пресне. Теперь по его баррикадам вела огонь не кучка царских сатрапов, а вся мировая буржуазия, полная ненависти к стране Советов.

Дзержинский придвинул к себе очередную папку. Донесения агентуры Коминтерна: «По запросу касательно операции «Картель». Неизвестный, скрывшийся под безликим псевдонимом SR-77, докладывал из Праги: «Наблюдение, установленное за объектом, показало, что подполковник Шведов был встречен на пражском вокзале бывшим штаб-ротмистром, Евгением Александровичем Комаровским. Этот офицер известен своей антисоветской направленностью и активной работой в эмигрантской среде. Обладает значительными финансовыми средствами, благодаря наследству. Разработка представляется бесперспективной.

Через два дня из Парижа к Е. А. Комаровскому прибыл неизвестный, судя по выправке, старший офицер или генерал. На лацкане костюма носит фрачный значок в виде коронованной буквы «Д», зовут Владимир Игнатьевич. Утром следующего дня приезжому стало дурно. Ему была оказана помощь в ближайшей аптеке, после чего он и штаб-ротмистр направились в антикварную лавку на Златой улице, где работает бывший генерал-майор Спешнев – председатель Братства участников Луцкого прорыва, в прошлом – офицер штаба 8-ой армии».

«Похоже, рыбка клюнула, – улыбнулся Дзержинский, переворачивая лист. – Хорошо бы теперь узнать, кто такой этот таинственный Владимир Игнатьевич... Так, что это? Ориентировка на Комаровского. Воронежский кадетский корпус, Александрийский гусар... О-о, участник Ледяного похода, адъютант Корнилова. Немало, немало. Что тут еще? Ага, забавная история. “Во время революции 1905 года на улице вступился за молодую девушку, фрейлину вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Схватился один против пятерых, был ранен ножом в лицо. Чтобы скрыть уродливый шрам, императрица именным указом разрешила Комаровскому ношение бороды”. Что ж, интересный субъект».

Дзержинский отодвинул папку, вновь устало прищурил глаза и нажал кнопку электрического звонка, вмонтированного в столешницу. Секретарь отворил дверь и застыл на пороге, ожидая распоряжений.

– Гражданину Джунковскому звонили?

– Так точно, Феликс Эдмундович! Он уже выехал, скоро должен быть.

– Хорошо.

Секретарь не уходил.

– Что-то еще? – поглядел на него председатель ОГПУ.

– Вечерней почтой доставили из Ленинграда донесение по товарищу Орлинскому. И еще – срочный звонок по поводу Згурской...

– Да-да, я помню. Это по делу профессора Дехтерева. Так что с ней – нашли?

– Да, – секретарь замялся. – Она проживала в Елчанинове под чужой фамилией. Ее опознал особоуполномоченный ГПУ, Василий Гуц.

– Гуц... Гуц. Я что-то помню. Это из старой гвардии?

– Да, – подтвердил секретарь. – Но он убит.

– Згурской?

– Вряд ли. Он и еще один сотрудник ГПУ убиты из наградного револьвера начальника Елчаниновской милиции Судакова.

– Кто таков?

– Судаков Петр Федорович. В прошлом – красный командир. За удачу, проявленную в боях с белыми, приказом наркомвоенмора награжден именным оружием. Трижды ранен. С середины девятнадцатого года – начальник Елчаниновской милиции. Нареканий и взысканий по службе не имел. Кандидат в члены партии. За искоренение бандитизма в губернии был представлен к ордену Красного Знамени, однако награждение еще не производилось.

– Вы уверены, что именно он стрелял в наших сотрудников? – на скулах Дзержинского заиграли желваки.

– Наверняка сказать нельзя, но стреляли из его нагана. К тому же, и он, и Згурская с дочерью исчезли в неизвестном направлении.

– Так, – председатель ОГПУ сжал губы и начал стучать костяшками пальцев по столу. – Так, – с нажимом повторил он после недолгой паузы. – Вероятно, сами того не желая, мы нащупали хвост очередной белогвардейской гадуки... Подтверждается ли, что это тот самый краском Судаков, а не самозванец?

– Да, он уроженец Елчаниново. Его в тех местах знают с детства.

– И ты говоришь, он был награжден лично Троцким?

– Так написано.

– Интересная ситуация получается, – Дзержинский еще хотел что-то сказать, но не успел – в приемной раздались по-армейски четкие шаги.

– Феликс Эдмундович, к вам господин... гражданин... товарищ Джунковский.

– Просите, пусть войдет.

Бывший шеф корпуса жандармов, бывший губернатор Москвы вошел быстро, отодвинув, будто едва заметив, секретаря.

– Добрый вечер, Владимир Федорович!

– Добрый вечер, Феликс Эдмундович, – руки бывшего товарища министра внутренних дел и председателя ОГПУ сомкнулись в рукопожатии. – Вижу, не забываете старика.

На губах царского генерала играла насмешливая улыбка.

– «И за учителей своих заздравный кубок поднимает», – процитировал Дзержинский. – А вы – мой учитель дважды. И до революции, и теперь.

– Да... – Джунковский криво ухмыльнулся, – ученик превзошел учителя. Итак, зачем я вам понадобился на этот раз?

– Прежде всего, должен сказать, что ваш план работает, как часы. На встречу с подполковником Шведовым из Парижа, как и ожидалось, прибыл некто – судя по выправке и возрасту, старший офицер, или генерал. Пражской агентуре он неизвестен. Но, как было установлено, зовут его Владимир Игнатьевич и на костюме он носит значок с золотой коронованной буквой «Д».

– Коронованная буква «Д»? – переспросил Джунковский, сверху вниз глядя на собеседника. – Ничего сложного – вензель шефа 16-го Мингрельского гренадерского полка. Стало быть, он из мингрельцев. Кавказская гренадерская бригада. Очень достойный, я вам доложу, полк. Владимир Игнатьевич, Владимир Игнатьевич... Ну да, конечно! Вот же момент¹⁶ вислосухий, как я сразу не вспомнил?! Пред вами, почтеннейший Феликс Эдмундович, блистательный образчик русской военной породы – генерал Владимир Игнатьевич Згурский. В пятнадцатом году он командовал мингрельцами во время штурма Эрзерума. Сейчас, должно быть, возглавляет полковое братство.

«Згурский, – стучало в голове председателя ОГПУ, – неужели муж той самой Татьяны Згурской? Нелепое совпадение или, как говорили в прежние времена, перст божий? Згурский...»

– Чем же блистателен наш генерал?

– Когда б Россия с самого начала века не воевала, то, пожалуй, вышел бы этот храбрец в отставку капитаном, от силы подполковником, и разводил бы лошадей на конном заводе своего отца.

– Отец его, получается, коннозаводчик?

– Отец его был начальником государственной приемки Главного артиллерийского управления. Прекраснейший человек, неподкупный, честный. Из-за этой честности и неподкупности частенько неприятности имел.

Вот, скажем, однажды некая зарубежная фирма пыталась нам продать четверть миллиона трехдюймовых снарядов, которые всем были бы хороши, да только дюймы у этой фирмы получались какие-то своеобразные. Так что снаряд в пушечном стволе болтался. А если пушка от стрельбы разогревалась, то и вовсе летел этот снаряд куда угораздит. Старший Згурский всю партию забраковал. А деньжищи, как вы сами понимаете, там крутились громадные. Вот и решили надавить на него.

¹⁶ Момэнт – ироничное прозвище штабных офицеров в царской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.